

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ДЕЛА МИНУВШИЕ

Николай Свечин
Дела минувшие

© Свечин Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

◆ Николай Свечин ◆

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**ДЕЛА
МИНУВШИЕ**

Москва
2023

В чеченских горах

Август 1878 года вольноопределяющийся Сто шестьдесят первого Александропольского пехотного полка Алексей Лыков встретил в горах. Их партизанская команда выслеживала непримиримых – участников прошлогоднего газавата. Само восстание было давно подавлено. Чеченцы и дагестанцы ударили в спину русской армии, когда та сражалась с турками. Зачинщиками выступили паломники. Они возвращались из Мекки через Константинополь, где встречались с мухаджирами – беженцами, переселившимися с русского Кавказа в Блистательную Порту. Мухаджиры ненавидели царскую власть и мечтали вернуться на родину. Сотни их тайно проникли в Терскую область и готовили там бунт. Идея была возродить на Кавказе имамат по образцу Шамиля. Свергнуть урусов и создать мусульманское государство, живущее по законам шариата и подчиняющееся вождю всех правоверных – турецкому султану. Добавляли масла в огонь беглые ссыльные. Начальство в наказание за беспокойное поведение отправляло их в центральные русские губернии под надзор полиции. Надзор, однако, был такой, что туземцы быстро возвращались в родные горы и селились среди единоверцев, которые их прятали. Наводненный эмигрантами и беглыми край походил на пороховую бочку, готовую взорваться в любую минуту. Фитилем для взрыва и стала начавшаяся война.

Вождем бунта неожиданно для всех сделался Алибек-Хаджи Алдамов из Зандака. Ему было всего двадцать семь лет, когда молодой чеченец вернулся из паломничества. В Константинополе хаджи встретился с турецким генералом Гази-Магомедом, сыном Шамиля. В свое время тот принял вместе с отцом и братом присягу на верность Александру Второму. Потом он выпросил у государя разрешение отлучиться ненадолго в Турцию, чтобы уладить отношения с родственниками. Забрал огромную пятнадцатитысячную пенсию и остался там навсегда, нарушив

данное слово. Теперь Гази-Магомед готовил восстание в тылу русских войск. Он обещал Алдамову, что османы высадят десант на Черноморском побережье Кавказа и придут на выручку повстанцам. С двух сторон задавят русских и водрузят зеленое знамя ислама...

Когда началась война, Алибек-Хаджи подбил своих однообщественников взяться за оружие. Его избрали имамом. Вспыхнуло кровавое восстание, получившее название малый газават (большой был при Шамиле). Пламя восстания перекидывалось от аула к аулу. К Зандаку присоединились многие общества, но не все. Например, Гудермес и Шали встретили бунтарей выстрелами. Старшина Шали прапорщик Борщих Ханбулов убедил земляков, что власть белого царя крепка, восстание не имеет шансов на успех и лишь принесет народу горе и лишения^[1]. Ряд других селений дали своих мужчин в отряды милиции, которые помогали немногочисленным войскам бороться с мюридами Алибека. Того в свою очередь поддержали дагестанцы. В Гунибском округе объявили имамом Мухаммад-Хаджи Согратлинского, осадили Гунибское укрепление и перерезали сообщение по дорогам. А Мехти-бека называли имамом всего Кавказа и уцмием^[2] Кайтага и Табасарана.

В мае 1877 года турки действительно высадились в Очамчире, Гаграх и Адлере. Но до Чечни с Дагестаном они не добрались, да не очень-то и старались. Уже в августе их выкинули обратно. И повстанцы остались один на один с русской армией. Мятежные аулы сжигались, посева уничтожались, жители переселялись на равнины. Алибек-Хаджи метался по Ичкерии и Салаватии, постоянно возвращаясь в родные ему Симсирские леса. Он считал свой хутор Симсир неприступным для противника. С одной стороны селение окружал непроходимый лес, а с трех других – глубокие овраги. Но регулярные войска при поддержке туземной милиции преодолели все препятствия. Власть щедро платила своим и союзникам. Милиционеры получали пятнадцать рублей жалованья

в месяц. А за каждого доставленного повстанца, независимо, живого или мертвого, выдавали двадцать пять рублей. Охочие до денег смельчаки озолотились.

К октябрю мятеж был в целом подавлен. Алибек надеялся на осеннюю распутицу, когда воевать в горах нельзя, и заперся в очередном неприступном ауле у подножия горы Дарум. Аул расположился в треугольнике, образуемом реками Беноевский Ярык-Су и Ауховский Ярык-Су. В вершине треугольника реки сливались, их глубокие ущелья служили защитой повстанцам. Имам создал там лагерное место с большими запасами вяленой баранины, чая, сахара, масла, красных товаров. Взять его осенью было очень трудно, почти невозможно. Но среди горцев нашелся предатель. Богатый чеченец Бий-Султан был скомпрометирован перед властями, его ожидало наказание. Желая спасти имущество, он предложил генералу Смекалову, командующему карательной экспедицией, привести отряд тайными тропами через горы прямо в аул. Генерал согласился. Он выделил большие силы для создания в лесах множества засад. Когда в селении завязался бой, восставшие в панике бросились в разные стороны. И попали в засады, где их нещадно истребляли. Начались травля и избиение беглецов. Алибек-Хаджи спасся всего с пятью сообщниками.

Имамат доживал последние дни. Один за другим пали Цудахар и Телетль. Их сначала разрушили артиллерией, потом взяли штурмом и сожгли дотла. Последним склонился Согратль. После двухдневных боев его жители выдали военным руководителей обоих восстаний – и чеченского, и дагестанского. Мухаммад-Хаджа Согратлинский, его отец шейх Абдурахман-Хаджи, Аббас-паша, Умма-Хаджи Дуев, Даду Залмаев и Даду Умаев оказались в плену.

Из вождей один лишь неуловимый Алибек вновь выскользнул из окружения и вернулся в Чечню. Но уже через три недели он тоже сдался – чтобы не пострадали принявшие его аулы. По всей Терской области начались военно-полевые суды. Власти отказались от прежней тактики умиротворения и мягких репрессий. С 10

по 30 ноября в разных местах были казнены более трехсот человек. Главного атамана, Алибека-Хаджи Алдамова, и одиннадцать его ближайших сподвижников повесили 9 марта 1878 года на базарной площади в Грозном.

Открытое неповиновение широких масс было подавлено. Однако в горах остались непримиримые – власти называли их недобитками. Счет им шел на сотни, и они представляли большую опасность. Военная администрация создала для борьбы с инсургентами так называемые партизанские команды. Партизанскими их именовали потому, что те действовали без всякого руководства сверху, на свой страх и риск. Впервые их придумал начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов. Когда бунтовщики перерезали дороги и нарушили сообщение с Ведено, он выслал на борьбу с ними отряды с особыми полномочиями. Партизаны патрулировали дороги и убивали всякого, кто казался им подозрительным. Без суда и следствия. Террор принял такие масштабы, что запуганные жители окрестных селений держались от дорог подальше. Когда вождей перевешали, команды сначала распустили. Но летом 1878 года часть их была заново сформирована. С одной разницей: если в прошлом году средняя численность штыков в них составляла сто – сто пятьдесят человек, то теперь максимум десять-двенадцать. Активная фаза войны закончилась, и отряды сделали небольшими для лучшей маневренности. Отчаянные люди силой в одно неполное отделение шли во враждебные горы. И резались там с абреками, дезертирами, беглыми ссыльными... Кровавые схватки шли каждый день, без свидетелей, без подмоги из крепостей, без начальственного глаза, по принципу «кто кого».

Алексей Лыков к лету излечился от раны, полученной при штурме Цихидзирских высот. Он мог уже ехать домой – доброволец с Георгиевским крестом, со шрамом под самым сердцем. Но решил дополнительно испытать себя. Его сманил Калина Голунов. Пластун, видать, не навоевался досыта и записался в партизанскую команду очищать ущелья Ичкерии. Там шалили разрозненные группы бывших

инсургентов. Вольноопределяющийся согласился. Правда, затем их разделили. Голунова как опытного командира назначили помощником начальника сводного отряда из пяти партизанских команд. А Лыков попал в кормишинскую артель. Так называлась команда старшего унтер-офицера Ширванского полка Сергея Михайловича Кормишина. Он не уступал самому Калине, в ничьей опеке не нуждался и действовал с большой храбростью, помноженной на опыт и тщательный расчет.

Нижегородец быстро понял, что с командиром ему опять повезло. У Кормишина было чему поучиться. Сергей Михайлович воевал на Кавказе уже двадцать лет. Он участвовал еще в штурме аула Гуниб и пленении Шамиля. Жилистый, неутомимый, наблюдательный, невероятно опытный, старший унтер-офицер всегда добивался результата. Его артель уничтожила больше всех мятежников при самых малых потерях. Командование ставило Кормишина в пример остальным, а по итогам летней кампании он получил третьего Георгия. (Лыкову тогда же навесили Аннинскую медаль^[3].)

Начальник переговорил с Калиной, затем расспросил Лыкова и принял его к себе, несмотря на молодость. Кроме их двоих, в артель входили еще семеро.

Два казака-терца из Кизляро-Гребенского полка держались вместе. Оба именовались Александрами: высокий – по фамилии Гурин и низенький – Баюнов. Их называли Шура Крупный и Шура Мелкий. При этом Баюнов был сильнее и ловчее своего товарища-гиганта. Веселые, бывалые, они пользовались большим успехом у женщин всех народностей. И тут уже Гурин побеждал Баюнова.

Василий Листопадов ставил себя высоко и жил особняком. Его кличка – Васька Стрелок – была получена не просто так. Листопадов великолепно стрелял и охотно применял свои навыки. Всякий солдат убивает в бою: там думать некогда – или ты врага, или он тебя. Но в передышке между схватками служивый закурит трубку, поболтает с приятелем, вспомнит о доме. А Васька брал винтовку и выходил на охоту. Он занимал позицию на ничейной полосе и ждал добычи.

При появлении зазевавшегося противника стрелял и всегда попадал. Солдаты не любили его за тягу к убийствам. Листопадов сделался в роте изгоем, с ним не разговаривали, не делились табаком. Он замкнулся и стал только злее. Потом его ранили. Стрелок вылечился и на войну не вернулся, а подался бороться с повстанцами. Там за убитого горца платили четвертной билет! Васька открыл промысел и заработал за осень 1877 года триста с лишним рублей, а также получил ефрейторскую лычку. Деньги он носил при себе, не доверяя никому, и время от времени вынимал и пересчитывал. Чем еще больше настраивал против себя товарищей.

Когда Лыков пришел в артель, они со Стрелком выяснили, кто из них лучше. Алексей показал класс, он не уступил в меткости, хотя дольше целился. Листопадов заужал парня и даже показал ему несколько секретных приемов. Вольноопределяющийся их запомнил.

Харитон Бындарь, Иван Толстопят и Макар Кляузин были просто хорошие солдаты с боевым опытом.

Замыкал артель анекдотичный персонаж – Иоганн Пупершлаг. Саратовский немец выращивал горчицу, когда началась война с Турцией. Его призвали из ратников – бедолага вытянул жребий. А до этого он благополучно проскочил жеребьевку, шмыгнул в ополчение, минуя срочную службу, и собирался жениться. Неуклюжий, но по-немецки аккуратный, Иоганн обречен был пасть на поле боя – он совсем не годился для войны. Но Двадцать первая пехотная дивизия на театр главных действий не поехала, а занялась подавлением восстания в тылу. Кормишин встретил Пупершлага в Дагестанском нагорном отряде полковника Накашидзе, пожалел и взял под защиту. Сначала пристроил денщиком к полковому адъютанту, а потом помог перейти в кашевары. Весь прошлый год немец кухарничал. Теперь он попросился в кормишинскую артель на ту же роль кашевара, и Сергей Михайлович согласился.

Таким образом, вся партизанская команда состояла из восьми нижних чинов под командой унтера. Вооружены они были по-

разному. Казаки предпочитали шашки и кинжалы, а вместо винтовок имели карабины. Листопадов все внимание уделял горячему оружию. Он достал где-то винчестер модели «мушкет». Магазиновая винтовка имела семнадцать зарядов! В руках меткача это было страшное оружие. Василий носил его в чехле, постоянно смазывал, протирал, ухаживал за ним, как за невестой.

Лыков до этого воевал в команде пешей разведки Рионского отряда. Охотники добыли себе лучшие образцы, что имелись у турок. Алексей взял хороший трофей – тоже винчестер, но двенадцатизарядный, образца 1876 года. С ним он и подался в партизаны.

Остальные артельщики ходили по горам с однозарядными берданками. А у Пупершлага вообще была передельная^[4] винтовка Крнка, которую он забросил.

Команда уже две недели лазила по горам восточного угла Веденского округа, в треугольнике между селениями Таузен, Махкеты и Элистанжи. Они выдвинулись из крепости Ведено – столицы округа и всей Ичкерии, прошли на восток около сорока верст и разбили лагерь на берегу реки Бас. Отряд прочесывал местность, оставляя на хозяйстве кашевара и с ним, по очереди, одного солдата. Остальные семеро ходили вместе, стараясь не выпускать друг друга из виду. Война в этих местах кончилась меньше года назад. Да и то сказать – горцы замирились для видимости. Ненависть к русским осталась. Ее сильно подпитывали репрессии. Все мало-мальски влиятельные и образованные люди так или иначе оказались замешаны в волнениях. Теперь настал час расплаты. Семейных выселяли в город Опочка Псковской губернии, а также в глухие местности Новгородской и Архангельской губерний, несемейных – в Томск и Тобольск^[5]. Оставшееся население было обложено трехрублевым подушным сбором на возмещение убытков казне и частным лицам, причиненных восстанием. Для нищих чеченцев это были большие

деньги, особенно после карательных экспедиций, сжигавших аулы, конфисковывавших скот и уничтожавших посевы.

Группы непримиримых прятались в лесах, местные жители их укрывали и кормили. Поэтому первое, чем занялся Сергей Михайлович, это поиск и вербовка осведомителей из числа туземцев. Для этого ему в штабе крепости выдали двести рублей золотыми пятерками. Партизаны не только прочесывали окрестности, но и заходили на хутора и в аулы, разговаривали с жителями, пытаясь привлечь их на свою сторону.

Команде поручили поймать и доставить в Ведено одного из непримиримых – Джамболата Алибекова из Хатума. Он был помощником здешнего вожака бунта Лорис-Хаджи Гериева, повешенного весной в Грозном вместе с главными атаманами. Гериев был из Таузена, отчего за этим селением Кормишин наблюдал особенно тщательно. Таузен славился тем, что оттуда был родом отец первого имама Кавказа Шейха Мансура. Жители гордились земляком и не очень привечали русских. Пока партизанам не удавалось найти там доносчика. Между тем Алибеков, уже много раз ускользавший от урусов, не унимался. Месяц назад он напал на фуражиров, перегонявших скот для пропитания гарнизона крепости. Абрек угнал пять казенно-подъемных лошадей с овсом и просом, а также двенадцать голов порционного скота. При налете погиб нижний чин Апшеронского пехотного полка.

Алексей впервые попал в такую удивительную страну и не переставал восхищаться. Местность относилась к числу самых диких и труднодоступных во всей Терской области. На юге возвышался Андийский хребет, отделявший Чечню от Дагестана. От него отходили к северу высокие отроги, делившие пространство на котловины. По котловинам текли к равнинной Чечне быстрые реки, пробившие в скалах глубокие отвесные ущелья. Путь им преграждала гряда Черных гор. Реки сливались друг с другом и в конечном итоге впадали в Сунжу.

Отроги как бы разлиновывали плато. Они были не очень высокими, бесснежными и живописно-пугающими. На Кавказе более двадцати вершин превосходят Монблан, самую долговязую гору Европы, но в этой части их размеры не столь впечатляли. Однако карабкаться по тропам, с перевала на перевал, было утомительно. А еще требовалось держаться настороже – вдруг за камнем прячутся Алибеков со своими джигитами? Пока инсургенты не попались партизанам ни разу. Они находили костры со следами ночевки, но кто искал здесь приют, было неясно. Еще всюду были разбросаны посевы. Чаще всего это оказывались кормовые травы: овес, люцерна, райграс и эспарцет. Реже попадался табак, а дважды – марена^[6].

Наступил очередной день поиска. Иоганн заявил, что останется в лагере один, пусть его не охраняют. Ишь, осмелел на третьей неделе... Сергей Михайлович почему-то согласился.

Команда отправилась вниз по течению реки Аржи-Ахк. Впереди в дозоре двигался Шура Крупный. Охотники держались в пятидесяти шагах за ним, Кормишин шел в арьергарде. Неожиданно казак замер, всмотрелся в даль и жестом подозвал остальных. Все быстро подошли, кроме отставшего унтера.

Шура показал вперед. По тропе поднимался горец с винтовкой за спиной. Он не видел настигавших его русских и карабкался беззаботно. Василий Листопадов тут же сдернул винчестер и прицелился в туземца. Лыков схватил его за руку:

– Что ты делаешь? А вдруг это мирный горец?

– У него ружье за спиной, – огрызнулся Стрелок.

– Ну и что? Тут все ходят с ружьями. Примерно как наши мужики в лесу всегда с топорами.

– А я по походке вижу, что он мятежник. Самая разбойничья походка!

Листопадов попробовал освободить руку. Тогда Алексей вырвал у него винтовку и сказал с угрозой:

– Слышь, вурдалак. Смири свой нрав. Война кончилась, сейчас мирное время.

– И что? – с вызовом спросил партизан.

– А то. Нейдется кого-нибудь прикончить?

– Здесь нас никто не любит. Любого вали – не ошибешься.

Тут подоспел Кормишин и спросил шепотом:

– Что за шум, а драки нет?

Шура Крупный показал ему уходящего вверх по тропе горца:

– Васька хотел убить его в спину, а Леха не дал.

– Правильно сделал, что не дал, – тут же высказался старший унтер-офицер. Он взял из рук Алексея мушкет и приказал: – Лыков! Проследи за ним. Постарайся увидеть лицо или запомнить какие приметы.

– Есть!

Вольноопределяющийся быстро пошел по тропе, стараясь не шуметь. Другие охотники остались его ждать.

Незнакомый туземец успел уйти достаточно далеко. Лыков настиг его, когда тот уже спускался с перевала вниз, в долину. Там стояло четыре сакли, у одной из них была привязана лошадь. Подходя к хутору, горец оглянулся, и Алексей разглядел его черты. Мужчина лет тридцати, бородатый, худощавый, как большинство здесь. Шашка, кинжал – тоже как у всех. Белый архалук при желтом чекмене? И это не примета.

Горец зашел в саклю, у которой стояла лошадь, через минуту вышел оттуда со свертком в руках. Еще раз осмотрелся. Похоже, он опасался чужих глаз... Сунув кулек в сакву^[7], незнакомец в желтом чекмене сел на коня и уехал вниз по реке. Нижегородец дал ему скрыться с глаз, спустился к хутору и осмотрел саклю. Пустая, заброшенная; пахнет куриным пометом. Передаточный пункт для инсургентов? Может быть...

Лыков бегом отправился к своим и доложил командиру об увиденном. Тот выслушал и приказал:

– Айда туда, осмотрим.

Ваську он поставил впереди колонны, вернув ему отобранный Лыковым винчестер. Тот шел обиженный и все искал, кого бы ему подстрелить. Но никто партизанам не попался.

Избушки при осмотре оказались пустыми и давно заброшенными. Лишь в той, куда заглянул неизвестный, остались следы недавнего пребывания человека. И Кормишин решил устроить на хуторе засаду. Вдруг появится тот, кто облюбовал себе заброшенное жильё для непонятных целей?

Партизаны спрятались в трех других хижинах и затаились. До конца дня ничего не произошло. Пришлось ужинать сухарями и спать на земле. Утром слышались шаги, и в обжитую саклю зашел чеченец с узлом в руке. Он появился из ниоткуда, часовой прохлопал его появление. Но охотники мгновенно и бесшумно отобилизовались. Когда гость появился на пороге, его схватили.

Это оказался знакомый Кормишину старшина аула Дуц-Хутор по фамилии Раздаев. Он опешил, попав в руки урусов. Сергей Михайлович кивнул ему:

– Здорово, уважаемый. И что ты сюда притащил? Давай, показывай.

В узле обнаружили двадцать патронов к берданке, кусок сыра и лаваш.

– Ого, какое богатство. Патрон в ваших краях стоит рубль ассигнациями. Дорогой подарок. Скажи, старшина, для кого он?

Раздаев уже взял себя в руки и ответил:

– А пастух за ними придет, наш аульный пастух. Он передал, что появились волки, попросил занести эти... как по-вашему?

– Огнеприпасы, – подсказал Сергей Михайлович.

– Да, точно так.

– Давай его дождемся, – предложил Кормишин.

Веко у старшины дернулось, но он ответил:

– Давай.

– Долго ждать придется?

Туземец пожал плечами:

– Кто знает? Может, полдня, а может, и три. Если вам нечего делать, ждите. А у меня есть обязанности по должности.

– Не много ли чести для пастуха, что улем^[8] лично носит ему лепешки?

– Нет, не много, он мой племянник.

– И как зовут этого достойного человека?

Раздаев на мгновение запнулся, потом выговорил:

– Гати.

Командир оглядел свою команду:

– Все запомнили ответ? Ждем Гати.

Потом он обратился к пленнику:

– Раздаев, ты понимаешь, что врешь мне, а значит, и власти? Если вместо пастуха сюда явится абрек по имени Джамболат, ты и твоя семья поедете далеко на север. Где очень холодно и голодно.

Но староста посмотрел на русского свысока и отвернулся.

Партизаны опять попрятались в сакли. Туземца унтер посадил рядом с собой. Потянулось мучительное ожидание. Когда солнце уже клонилось к закату, Шура Крупный не выдержал и тихо вылез из своей хибары на двор, справить малую нужду. Только он распрямился во весь рост, как грохнул выстрел. Пуля угодила казаку прямо в лоб. Он рухнул на землю. Тут же раздался ответный выстрел – Кормишин успел разглядеть, откуда бьет враг. Алексей тоже выпустил в ту сторону три заряда. Но шансов, что пули попали в цель, было немного.

Артельщики выскочили наружу, Лыков без команды побежал в обход предполагаемой позиции противника, но все оказалось напрасно. Через десять минут вольноопределяющийся на ватных ногах вернулся к своим.

Гурин вытянулся на поляне. Перед ним на коленях стоял Баюнов и вполголоса молился. А Васька Стрелок выступил навстречу Алексею:

– Это тот его убил, кого ты не дал мне пристрелить! Щенок! Все из-за тебя...

– Отставить! – рявкнул старший унтер-офицер.

– А вот и не отставить! – еще громче выкрикнул Листопадов. – Я и в крепости так скажу. Нету человека, а этот вон стоит, сопляк, живой и здоровый.

Алексею хотелось провалиться сквозь землю. Ведь скорее всего Васька прав. Не пастух же уложил их товарища, а кто-то из шайки Алибекова. Лыков не позволил убить его – и вот расплата...

Команда переночевала на хуторе, причем разжигать костер не решились. Лыков вызвался простоять на посту без смены – замаливал свою вину. Связанного старосту положили между двумя пехотинцами. В душе каждому хотелось ткнуть его кинжалом в бок, а потом сказать, что «при попытке к бегству». Но Кормишин дал всем понять, что не потерпит самосуда. Он ни словом не упрекнул нижегородца. Ведь тогда, в ссоре со Стрелком, командир принял его сторону.

Утром артель собралась в дорогу. Им предстояло выйти к селению Махкеты, сдать стоящему там посту пленного и похоронить товарища. Лыков подошел к командиру:

– Сергей Михайлович! Разрешите, я останусь.

– Зачем?

– Осмотрю цепочку следов.

– Один? Это глупо, – Кормишин дернул себя за седой ус и добавил: – Мстить собрался? Их четверо или пятеро. И как будешь мстить?

Алексей упрямо ответил:

– Как получится. Одного они точно не ждут. А вдевятиером... ввосьмером мы их за целый год не поймает.

Старший унтер-офицер покачал головой, подумал и ответил:

– Ну, как хочешь... Мы вернемся через два дня.

Махнул своим, и артель ушла. Раздаева поставили в середину и заставили тащить труп Шуры Крупного на волокуше. Лыков замыкал колонну. Когда партизаны скрылись в лесу, он отделился от них и стал медленно спускаться кустарником параллельно тропе.

Идти было трудно, еще труднее было не шуметь при этом. Наконец нижегородец вернулся на поляну к оставленному хутору, но не со стороны реки, а со стороны леса. Затаился и стал ждать. Ему казалось, что инсургенты захотят сюда вернуться. Вдруг на хуторе тайник, который русские не нашли?

Так миновал целый день. Никто не пришел. Алексей переночевал вполглаза – очень хотелось спать после предыдущей бессонной ночи. Забылся он под утро и благополучно проснулся от лучей солнца, бивших ему в глаза.

Что делать? Он был один во враждебных горах. Страх вольноопределяющийся не испытывал, его подстегивала злость. Умирать погоди, говорил он себе, мы еще поборемся. Одному и впрямь легче: ни с кем не надо советоваться, никто тобой не командует. И противник не ждет одиночки. Может, пойти по тропе в ту сторону, куда уехал вчерашний всадник?

И Алексей решился. Он был одет, как горец. Серый чекмень, серый архалук, шашка и кинжал на поясе и винчестер за плечами. Только кокарда на папахе и погоны с золотым кантом вольноопределяющегося выдавали в нем военного. Ноговицы были дополнены поршнями из буйволиной кожи с железными крючьями – горскими «галошами» для лазанья по камням. Сорок восемь патронов в подсумке, баклага с водой, манерка, сухари, горсть сахара и кусок вяленой баранины – на два дня хватит. Если не убьют раньше...

Еще какое-то время Лыков сидел и прислушивался к своим ощущениям. Вроде бы страха на самом деле нет. Это хорошо. И он двинулся по тропе. Где-то впереди, по словам Кормишина, Аржи-Ахк сливается с Ахкой. Затем единый поток отклонится вправо, к Хулухте. Места дикие, подходящие для укрытия. И уж точно там не ждут одинокого уруса.

Он прошел в выбранном направлении четыре часа без отдыха. Тропа медленно забирала вправо. Вдруг, когда Алексей обогнул валун, на него кинулись двое. Резко развернувшись, охотник показал

им тыл и припустил обратно. За ним гнались. Выждав нужный момент, Лыков выхватил кинжал и обратился к противнику лицом. Первый преследователь увлекся и слишком приблизился к нему. И налетел на клинок. Удар в сердце; туземец, хрипя, повалился на землю. А русский уже атаковал второго. Хотели догнать? Ну вот, догнали. Получите! Это за Шуру Крупного!

Второй преследователь, молодой парень с едва пробившимися усами, опешил и затормозил на бегу. Но больше ничего сделать не успел – Лыков насадил на кинжал и его. Раз-два – и в дамки... Разгоряченный боем и необычно быстрой победой, он всмотрелся вперед. На тропе стоял третий горец, постарше, в белом бешмете и желтом чекмене. Он держал одну руку на эфесе шашки, а другую на рукояти кинжала. И разглядывал русского с интересом и даже, кажется, с одобрением. Это был тот человек, которого Алексей не дал Ваське застрелить в спину!

– Ты ловкий и храбрый, – похвалил русского чеченец. – Я еще не видал такого приема, только слышал о нем.

До него было шагов десять, и Алексей начал снимать висевшую за спиной винтовку. Горец укоризненно цокнул языком:

– Ца-ца-ца! Только что показал свое мужество, а теперь хочешь убить меня из ружья? Давай драться как мужчины, холодным оружием. С таким противником сразиться – честь для джигита.

Голос у чеченца был приятный, наружность мужественная и притягательная. Лыков смешался – ему расхотелось убивать этого человека.

А тот продолжил:

– Ты ведь меня ищешь? Я Джамболат Алибеков Хатумский. А как зовут тебя?

– Алексей Лыков. Скажи, кто убил вчера моего товарища? Ты?

– Нет, это сделал вон тот молодой, что лежит на тропе позади тебя. Его зовут Косум. Вернее, звали... Но, случись, и я бы убил уруса. И убивал не раз, кстати сказать. Мы же воюем с вами. Так что я твой враг. Давай драться, но со всем уважением друг к другу. Или ты

устал? Мы можем перенести поединок на завтра. Ты один, других ваших поблизости нет?

– Нет.

– В одиночку пошел на всех нас? Я думал, только мы, чеченцы, такие...

Алексей слушал и удивлялся. Туземец нравился ему все больше. Почему он враг, а не приятель? По-русски говорит почти без акцента, смотрит смело, но речь его учтива и почтительна. И нижегородец заявил:

– Я не хочу с тобой драться. Ну, в том смысле, что убивать тебя.

– Ай-яй... Но ведь придется!

– Давай лучше ты сдашься властям. Будешь живой.

Алибеков прыснул:

– Я – сдамся? Извини, ты сказал ерунду. Так по-вашему?

– Но почему мы должны обязательно резать друг друга? – попытался спорить вольноопределяющийся. – Пусть не сделаемся кунаками, но останемся людьми. Конечно, тебе придется ответить перед законом за свои злодеяния...

– Ца-ца-ца! В чем же мои злодеяния? Не в том ли, что я защищал свою землю от захватчиков?

– Но вы помогли туркам!

– Конечно. Мы помогли... как это у вас? Единоверцам. Мы с ними чтим одного Бога. А вы для нас неверные. Кроме того, несете свои порядки, навязываете их нам. Мы, чеченцы, все равны между собой. У нас нет ни знати, ни черни. А у вас?

Противники помолчали, подбирая новые аргументы для спора. Наконец Джамболат спросил:

– Зачем вы пришли на нашу землю? Зачем ты, Лыков, пришел сюда? Чего плохого я тебе сделал, что ты явился меня убивать?

– Я подданный своего государя. Нам объявили войну, я взял оружие.

Чеченец слушал, чуть склонив голову набок. Кажется, он пытался понять логику русского.

– Однако война закончилась, а ты еще здесь. В наших горах. Ищешь, кого зарезать. Этого требует от тебя твой государь?

– Ну... присяга...

– Ступай домой и возвращайся без винтовки и кинжала. И я встречу тебя как почетного гостя и кунака.

– Не могу, – с искренним сожалением ответил Алексей. – Хотел бы, но тогда это будет дезертирством. Я солдат и должен выполнять приказы.

– Русские солдаты прошлым летом сожгли мой аул. Они тоже выполняли приказы. Как я теперь должен к ним относиться? Представь: чужие люди пришли в твою страну, в твоё селение, уничтожили его, вытоптали посевы, обрекли женщин и детей на голод, а мужчин перебили. Что бы ты сделал в ответ?

– Стал бы с ними сражаться...

– Вот видишь. Так что снимай ружье, берись за шашку. Если устал и хочешь отдохнуть, я пойму. Перенесем поединок на завтра. Удивительно, что ты пришел один, без отряда. Смелый или глупый...

Вдруг за спиной горца дрогнула ветка, и показался ствол.

– Так вот какой у тебя честный поединок! – крикнул Лыков, хватаясь за цевье винчестера.

Алибеков мгновенно повернулся и заговорил по-чеченски – резко, повелительно. Из кустов вышел горец, очень похожий на него, но с неприятным злым лицом. Джамболат отобрал у него винтовку, жестом отослал назад и вновь повернулся к русскому:

– Извини! Это мой средний брат Самболат. Он... не такой, каким полагается быть настоящему джигиту. Я очень сожалею об этом. Младший, Имадин, растет порядочным и радуется меня, но он еще молод для войны. Ну? Смотри.

Алибеков-старший взял в одну руку свою винтовку, в другую – оружие брата и положил их сбоку от тропы. Отступил на пять шагов и предложил:

– Сделай то же самое, и начнем.

– А этот?

– Он будет смотреть. Не бойся, мы схватимся один на один. Если ты победишь, Самболат тоже сразится с тобой. Если захочет. Но я сомневаюсь в этом.

В голосе абрека проскользнуло нечто, похожее на презрение. Он через плечо вновь сказал что-то резкое брату, и тот попятился.

Вольноопределяющийся решился. Он снял винчестер, с лязгом извлек шашку из ножен, вынул и кинжал. Противник улыбнулся ему ободряюще и сделал шаг вперед.

– Драться с тобой – честь для меня. Если бы все русские были, как ты, мы могли бы дружить, а не истреблять друг друга...

Лыков тоже сделал шаг вперед. Вот-вот они скрестят оружие... Нижегородец лихорадочно вспоминал уроки сабельного боя от Калины Голунова. Тот много времени потратил, натаскивая молодого приятеля. Как уж там?

Калина говорил, что драться белым оружием^[9] русскому человеку с горцами очень трудно. Почти безнадежно. Они учатся сабельному бою с детства, оттачивают приемы всю жизнь и достигают большого мастерства. Но в их манере есть пробелы, которые нужно использовать. В частности, горцы любят наносить шашкой и даже кинжалом рубящие удары, а колющих избегают. Многие считают их нечестными, так как русские полагают нечестным бить лежащего. Если в ответ на рубящий удар нанести прямой выпад шашкой, горец часто оказывается к нему не готов. И есть шанс пробить защиту. Надо только изловчиться.

Джамболат ободряюще кивнул Алексею – мол, не дрейфь. Было видно, что он не боится смерти. Безо всякой рисовки, просто не боится. У Лыкова же задрожали руки и вспотела спина. Или-или, кто кого. Горский сабельный бой. Даже храбрые кавказские полки – Ширванский, Апшеронский, Куринский – старались избегать его.

– Уверен, что не хочешь перенести на завтра? – участливо, уже в который раз спросил чеченец.

– Нет. Давай, начинай, – выдохнул русский. И они сошлись.

Начало боя едва не стало для Лыкова концом. Он слишком волновался и сразу пропустил опасный удар. Шашка скользнула по локтю и дошла до плеча, разрубив погон. Пока русский приходил в себя, пропустил боковой удар кинжалом. Хорошо, успел отскочить, и лезвие лишь оцарапало бок. Вольноопределяющийся остановился и попробовал взять себя в руки. К его удивлению, чеченец не использовал этот момент, прекратил атаку и дал противнику оправиться. Зачем убивать такого, снова подумал Алексей. Почему мы враги, а не кунаки? Но разводить нюни было некогда. Плечо саднило, по животу стекала кровь.

– Можно? – спросил разрешения горец.

– Валяй, – кивнул русский и пошел наконец в атаку. Несколько быстрых ударов шашкой Джамболат отбил без особого труда. Алексей сделал вид, что вспомнил о кинжале. Покрутил им – и совершил неожиданный выпад гурдой^[10] и следом – потяг^[11]. Острое лезвие вошло чеченцу чуть ниже сердца, пройдя между газырями. Тот запнулся, выронил клинок и схватился свободной рукой за грудь. Ноги его подкосились. Из уголка рта показалась тонкая струйка крови. Отняв руку и увидев на ней алые пятна, Алибеков улыбнулся – просительно и немного печально:

– Драться с тобой... честь...

И упал.

Брат джигита дико закричал и кинулся прочь. У Лыкова не было ни сил, ни желания преследовать его. Он сел рядом с Джамболатом на корточки и взял его за окровавленную ладонь.

– Прости...

Чеченец из последних сил сжал его руку и умер.

Вечером Алексей безбоязненно разжег костер в заброшенном хуторе. Тела погибших горцев лежали неподалеку. На поляне паслись стреноженные три лошади.

Вольноопределяющийся неожиданно для себя сделался богат. За убитых инсургентов ему полагалось семьдесят пять рублей. Верховые лошади тянули каждая на сто двадцать – сто пятьдесят

рублей. Чеченцы все оказались щеголи. Одних серебряных газырей набралось несколько фунтов! Но самым ценным из трофеев было оружие. Кинжал и шашка Джамболата, старинной работы, отделанные серебром, тянули на полтысячи. Итого Лыков существенно разжился. В Нижнем Новгороде вся его семья жила на пенсию недавно умершего отца – тридцать четыре рубля пятьдесят копеек в месяц. Ее едва хватало, чтобы сводить концы с концами. А сестра на выданье, барышню нужно одеть... Неожиданно вырученные деньги должны были пригодиться дома.

Однако Алексей меньше всего сейчас думал об этом. Он сварил похлебку, сделал из кавказской брусники чай и долго сидел, глядя на пламя. Ему было бесконечно жаль убитого им храброго достойного человека. Действительно, что он тут делает, в чужой земле? Пора домой. А эта боль останется теперь с ним. Навсегда. Могли бы быть друзьями. Иметь подобного друга – большая честь...

В ту ночь Самболат легко мог застрелить русского из темноты. Тому было все равно.

Вечером следующего дня Лыков услышал шаги – возвращалась кормишинская артель.

Долг чести

Для Девятого Староингерманландского пехотного полка 1880 год закончился печально. В новогоднюю ночь в своей квартире в офицерском флигеле Красных казарм застрелился подпоручик Шенрок. На столе он оставил записку, набросанную второпях – видимо, под влиянием момента: «Простите, родные и друзья, оплачиваю долг чести». Товарищи погрустили, батальонный командир направил рапорт командиру полка, и дело быстро забыли. Дивизионный врач написал, что офицер покончил с собой в порыве умоисступления, вследствие не распознанной вовремя душевной болезни. И потому может быть похоронен как христианин, с соблюдением всех обрядов. Подпоручика свезли на Петропавловское кладбище, и полковая служба продолжилась.

Семнадцатого апреля следующего, 1881 года Лыков встретил в хлопотах. Было Вербное воскресенье, неприсутственный день. Но полицейская служба тяжелая. Ежедневно, независимо от праздников, чиновники должны являться в часть к половине десятого вечера – сдать вечерний рапорт и получить приказы на завтра. Этот порядок касается всех, даже околоточных надзирателей. Для Алексея начальство сделало исключение – сыщик еще не до конца излечился от раны, полученной в подвале Александро-Невского собора, где он спасал покойного государя от покушения^[12]. Утром и вечером Лыков мог не ходить на службу, а делать лечебную гимнастику. Инвалидная команда! Но в этот раз обстоятельства вынудили сыщика явиться в управление. Павел Афанасьевич Благово прислал Титуса с напутствием. Ян под неодобрительный взгляд матери Алексея прошел в его комнату и сообщил приятелю:

- Труп со знаками насилия.
- Где?

– За Вшивым кустом.

Так называлась большая лужайка, густо заросшая шиповником и притягивающая всякий сброд. Она располагалась на границе выпасных лугов Нижнего Новгорода и общинной земли крестьян села Высоково. Крестьяне свой кустарник вырезали, а горожане оставили. От этого заросли приняли необычную треугольную форму. Рядом пастухи поставили навес, чтобы прятаться от непогоды. В чаще постоянно укрывались и играли в карты беспаспортные или же деревенские пили водку и дрались. А то и все сразу...

Убийство – чрезвычайное преступление. Благово сам еще не оправился от полученной в январе контузии, и ему требовалась помощь. Титулярный советник вздохнул, сунул за ремень веблей и скомандовал:

– Айда!

В управлении его дожидался начальник. Благово уже вернул здоровый цвет лица, даже наел брюшко. Но голова продолжала болеть, и зрение сделалось слабее.

– Как, сдюжишь? – спросил он у своего любимчика.

– Так точно, вашескородие! Хоть щас выставлялой ^[13] в трактир готов! Один семерых забору, во как.

– Тогда бери мой выезд – и дуйте с Яшей на место. Милотворского прихвати.

Городовой врач Милотворский сидел наготове в приемной с саком в руках. Он молча поручкался с сыскными, все набились в коляску, и она тронулась.

Апрель начался теплыми деньками, снег на пригорках уже стоял, обнажив серую прошлогоднюю траву; кое-где зеленела и свежая. Через Варварку и Острожную площадь экипаж выбрался из города. Потянулись бесконечные лесные склады на той стороне Напольно-Замковой улицы: Гнеушева, Миловидова, Замошникова, Щурова, Хвальковской... Затем они сменились кирпичными сараями. Местность сделалась еще грязнее, хуже только на соседних бойнях. Лыков ехал и отмечал про себя: у Юнге зимой нашли беглого

каторжника, у Нужина трудились задарма пятнадцать беспаспортных, а Лопашов добавлял в кирпич слишком много песку... Эх, буржуазия! Что начнется, когда такие возьмут власть?

Наконец полицейские миновали и кирпичные заводы, и их огромные сараи и вырвались на простор городских лугов. Справа показались три кладбища: еврейское с татарским поближе и Бугровское старообрядческое в отдалении. Луга предназначались для выпаса обывательской скотины и для огородов. Городская управа планировала прирастить там несколько новых улиц и разбить еще одно кладбище. То-то пастухи обрадуются...

Дорога оказалась размытой, лошадь тянула с трудом, поэтому добирались до места происшествия долго. Пересекли по хлипкому мостику мутную Старку, взобрались на тот берег и увидели впереди толпу зевак и пост городских. Приехали...

К сыскным подошел помощник пристава Второй Кремлевской части отставной поручик Есипов:

– Чего так долго? Замерзли, вас ожидая...

– Дорога видели во что превратилась, – начал оправдываться Титус. – Кирпичедельцы разбили в лоск, готовятся к строительному сезону.

Есипов хотел сказать что-то неодобрительное, но Алексей его оборвал:

– Поручик, доложите, что случилось.

По классу должностей помощник пристава и помощник начальника сыскного отделения были равны. Однако таких, как Есипов, в штате числилось четырнадцать человек, а Лыков был один. Кроме того, совсем недавно он пролил кровь за царя. И поручик сбавил тон:

– Обнаружено тело рядового в форме Девятого полка. Документов нет. Зарезали ударом под левую лопатку. Орудие убийства отсутствует, свидетели тоже.

– Кто нашел тело?

– Пастух малого стада мещанин Черножуков. Эй! Подойди!

Приблизился мужик заурядного вида, пахнувший водкой и табаком. Сдернул картуз и стал во фрунт.

– Расскажи, как ты его заметил? – начал Алексей.

– Да раненко так, чуть свет, пригнал сюда скотинку-те...

– Разве уже есть молодая трава?

– На склонах появилась, я и тово... Ну, пригнал, положил согреться. Отворил-те сороковку, глотнул спиртуозного да и сел-те на колоду. Смотрю – ноги в сапогах. Я и... тово...

– Холодный уже был?

– Как есть, ваше благородие. Холодный.

– Теперь верни, что взял у него из карманов.

Лыков смотрел так требовательно, что пастух подчинился без возражений. Он порылся в азыме и вынул глухие часы на цепочке и смятых два рубля.

– Вот.

– Документы были?

– Никак нет.

Черножуков топтался, ожидая дальнейших вопросов, а сыщики стали разглядывать часы. Томпак, работа фабрики Дивицкого, что в Варшаве. Гравировка отсутствует. Красная цена часам была шесть рублей.

Милотворский осмотрел труп и скомандовал городовым:

– Грузите в коляску.

Титулярный советник убрал часы в карман и продолжил пытаться пастуха:

– Кого-нибудь поблизости видел?

– Лошадь отъезжала, и следы вона... тележные.

– Какой масти лошадь?

– Не могу знать. Темно еще было... токмо ржание слышал. Туды отъезжала, к кирпичным сараям.

Титулярный советник повернулся к Титусу:

– Осмотри следы и возвращайся в управление своим ходом.

– Но...

– Яш, если мы сядем все, придется ноги на покойника ставить. Ты к этому готов?

Коляска тронулась в обратный путь. Мертвый солдат лежал на полу. Сыщик с доктором сидели, подобрав ноги под себя, и вели разговор – люди были привычные.

– Удар показывает, что бил профессионалист, – начал Милотворский. – Природа позаботилась о нас, прикрыла сердце спереди ребрами, а сзади лопаточной костью. Клинок прошел впритирку к последней.

– Но, Иван Александрович, почему же этот профессионалист не взял часы и два рубля деньгами?

– Могли спугнуть.

– Темно, вокруг голое поле, – принялся рассуждать сыщик. – Приближается стадо. Убийца слышит это, садится в телегу и улепетывает. Но стадо еще далеко, а обшарить карманы – дело нескольких секунд. Нет, тут что-то другое.

– Вы сыщики, а я эскулап. Сделаю вскрытие, скажу чуть больше.

– Например, что съел солдатик перед смертью, – попросил Алексей. – И еще: побыстрее бы вскрыть. Ловить-то лучше всего по горячим следам, а за сутки они остынут.

Законодательство Российской империи обязывало делать медико-полицейское вскрытие спустя сутки после обнаружения тела.

– Пусть Павел Афанасьевич даст мне письменное отношение, – велел Милотворский.

На том и порешили. Доктор повез тело убитого в морг Мартыновской больницы, а Лыков выпрыгнул на ходу и поспешил на Алексеевскую. В городском полицейском управлении скучал в одиночестве Благово. Он выслушал доклад помощника, быстро набросал письмо с просьбой ускорить вскрытие и отослал его курьером в больницу. Машина дознания закрутилась. Из Красных казарм вызвали всех свободных фельдфебелей Девятого полка и заставили опознать труп. Быстро выяснилось, что убитого звали Елпидифор Сомов. Он служил рядовым в седьмой роте и был прежде

денщиком подпоручика Шенрока, покончившего с собой в новогоднюю ночь.

Узнав это, сыщики пошли к Каргеру. Полицмейстер выслушал их соображения с особым вниманием. Вести дознание в военной среде – занятие трудное, требующее такта. Военное командование считает, что армейский мир – святая святых. Офицеры с солдатами подобны особой касте непорочных рыцарей. И когда полиция сует в этот чистый мир свой нос (и обнаруживает, что там такой же скотный двор, как и везде), то военные сердятся. Не на себя, а на полицию. Иметь осведомление генералы запрещают. Главная военная доблесть в их глазах – это не выносить сор из избы... Потому сыскная и не любит дел, связанных с масалками^[14].

– Был денщиком у офицера, который застрелился... – стал рассуждать Николай Густавович. – Ну и что? Какая тут связь? Самоубийство хоть и уголовное преступление, но наказывать за это обычно некого^[15]

– Иногда – есть кого, – остановил начальство главный сыщик.

– Ну, если вынудить, довести до отчаяния, шантажировать, тогда есть место и для нас, – согласился Каргер. – Мы занимались смертью подпоручика Шенрока?

– Да, я поднял бумаги. Провели поверхностное дознание и положили дело в архив.

– То есть все было чисто? Что же настораживает вас теперь, Павел Афанасьевич?

– Спустя три месяца кто-то заманивает денщика самоубийцы на выпас. И убивает точным ударом ножа в сердце. При этом не берет ни деньги, ни часы. Как хотите, но в этом следует разобраться.

Тут появился курьер и вручил Благово протокол вскрытия.

– Так... Один раз и наповал – ну, это мы уже знаем... Содержимое желудка... Ел говядину с картошкой. Что ж это он – в Великий пост и говядину? Греховодник. И пил водку. Эх, Сомов, Сомов. И нам

задал работы. Судя по трупному окоченению, смерть наступила между тремя и пятью часами утра. Где ты всю ночь шлялся?

Каргер хмуро размышлял. Разговор ему не нравился. Чтобы провести настоящее дознание, придется залезть воякам в самое нутро. А те ощерятся. Девятый Староингерманландский полк входит в Третью пехотную дивизию, начальник которой генерал-лейтенант Корево – ясновельможный пан с большой амбицией. Начальник Первой бригады, правда, русский – генерал-майор Назаров. Начать с него?

Так и решили. К Назарову поехали втроем, но Лыкова за малостью чина оставили в приемной. Однако уже через пять минут позвали к начальнику бригады. Тот крепко пожал сыщику руку и сказал с чувством:

– Слышал, слышал, как вы грудью государя защитили. А столичные телохранители не уберегли, да...

Титулярный советник понял, что разговор с военными сложится. По крайней мере здесь, с русским генералом.

– Зовите меня Николай Николаевич, – продолжил Назаров. – Что нужно от командования бригады?

– Характеристику на убитого солдата, – ответил Алексей. – Он же не на облаке сидел. Вокруг люди были, сослуживцы. Которые видели и слышали, как тот живет, с кем общается, где проводит свободное время. Пусть расскажут мне.

– Сделаем. Еще что?

– Николай Николаевич, самый трудный вопрос, – вступил в разговор Благово. – Есть ли связь между самоубийством в новогоднюю ночь подпоручика Шенрока и убийством рядового Сомова? Что там за история с долгом чести? В полку играли в карты на деньги?

Генерал нахмурился:

– А черт его знает... Ротный командир капитан Рутковский тоже поляк. И батальонер майор Костыро-Стоцкий. Тот нацелился в подполковники, ему важно, чтобы в батальоне все было шито-

крыто. При любом шуме Костыро сразу бежит к начальнику дивизии и говорит: караул, беспорядки, так меня с чином прокатят. А генерал Корево вызывает меня и приказывает замять.

– Но полковой командир русский, он-то скажет правду?

– Эх, Павел Афанасьевич, – вздохнул генерал-майор. – И полковому командиру скандалы не нужны. Да, Нил Петрович Беклемишев – человек порядочный. И полк отличный, один из старейших в России. Вы знаете, что в нем в свое время служил сам Суворов? Александр Васильевич, генералиссимус! Девятый Староингерманландский пехотный полк покрыл себя воинской славой. Где только не воевал! При Петре Первом штурмовал Нарву, бился при Лесной и под Полтавой. Даже в Гангутском сражении принимал участие, как десант на галерах. С турками резался, с Наполеоном, подавлял оба польских восстания. В недавней войне переходил через Балканы. И такой полк, понятное дело, командование хочет оградить от неприятных историй.

– Значит, надо их замалчивать, эти истории? – срезал генерала статский советник. – Ждать, когда полыхнет так, что мало не покажется? И замять уже не выйдет... Николай Николаевич, если в полку играют так, что офицеры стреляются, то одним подпоручиком дело не ограничится. Вам нужен скандал на всю армию? Тогда гоните нас в шею и ждите беды. Но лучше дайте нам сейчас найти и устранить заразу.

Назаров помешивал рафинад в чайном стакане и размышлял. Потом поднял на полицейских сомневающийся взгляд:

– У них спайка, что я могу поделаться?

– Пустить нас в полк своей властью. Вы же бригадный командир.

– А начальник дивизии? Как я его обойду?

Тут вмешался Каргер:

– Да запросто! Повод-то мелкий: зарезали солдата. А про то, что мы объединим дознание со случаем самоубийства, и говорить никому не будем. Главное – влезть в полк, а там... Ведь легко может оказаться, что связи между этими двумя происшествиями никакой

нет и Павел Афанасьевич ошибается. Я лично, кстати сказать, так и думаю.

– Вот хорошо бы! – обрадовался Назаров.

– Полковой командир нам поможет?

– Беклемишев? Прикажу – поможет.

– Так прикажите. Что, лишь поляки могут между собой сговариваться? Давайте и мы, русские, сговоримся.

В Красные казармы полетел вестовой. В ожидании Беклемишева полицейские распивали чай, а начальник бригады не переставал хвалить ингерманландцев. Наконец прибыл полковой командир. Алексей, как всегда, когда приходилось иметь дело с военными, заблаговременно повесил на мундир Знак отличия Военного ордена^[16] и медаль за турецкую войну. Как и ожидалось, полковник при виде наград сразу улыбнулся:

– Где резались, титулярный советник? Меня Нилом Петровичем звать.

– В Рионском отряде, в Аджарии.

– Ох, трудно там пришлось... У меня товарищ в Кобулету от малярии помер.

– Будто вам на Балканах сладко было...

Разговор после такого вступления сразу наладился. Сыщики сжато рассказали полковнику, что смерть бывшего денщика самоубийцы им подозрительна. Азартные игры – бич армии. Сколько судеб они уже сломали. Лучше проверить все досконально, воспользовавшись гибелью солдата. Ежели есть в полку какая гниль – вскрыть ее и вычистить рану. А то будет хуже.

– Гниль есть, – сразу признал Нил Петрович. – Только как ее вычищать, ума не приложу. Идет зараза от командира Седьмой роты капитана Рутковского. То ли он сам банкромет, то ли на его квартире балуются, но – играют, стервецы. На деньги. А какие у офицера деньги? Жалованье подпоручика – сорок восемь рублей в месяц. Ну, столовых двадцать рублей. Едва хватает на еду и обмундировку. Откуда берутся средства на карточную игру, для меня загадка. Есть,

конечно, дети богатых родителей. Тот же несчастный подпоручик Шенрок был сыном бывшего откупщика. Правда, папаша его слыл скупым, как три жида, и сынку денег не давал. Тот ждал наследства, когда папаша помрет, но сам ушел раньше...

– Что достоверно вам известно? – уточнил Благово.

– Играют во всем Втором батальоне. Седьмая рота – заводила, но и в Пятой, и в Шестой та же канитель. Только Восьмая пока держится, там ротный командир капитан Асатцев зажал молодежь-холостежь в кулаке.

– Где именно играют?

– Сейчас на квартирах. Полк стоит в Красных казармах, офицеры частью снимают жилье у обывателей, частью помещены во флигель, что во дворе. Я сам туда не суюсь, а надо бы...

– Вы сказали: сейчас на квартирах. Ждете лагерей? – догадался Лыков.

– Точно так, господин титулярный советник... как вас?

– Алексей Николаевич.

Беклемишев нахмурился:

– Уже апрель, после Пасхи мы сразу в лагерь. Там такое начнется! Сойдутся три пехотных полка, один казачий и артиллерийская батарея. Делать офицерам нечего, только и остается, что дуться в картишки. Хорошо бы до лагерей вскрыть язву, а, господа сыщики?

– Помогите нам, тогда управимся.

– Эх! – Беклемишев стукнул по столу кулаком. – Жизнь офицерская! Иной раз думаешь, прости господи: уж лучше война. Там все на волоске, твоя судьба – дело случая, а нравы чище. Даже ругаются меньше, похабного слова не услышишь. А здесь, в казармах да палатках, скука и бессмысленность существования заставляют людей пить да играть.

– Почему бессмысленность существования? – удивился Алексей.

Остальные трое поглядели на него с усмешкой. Благово буркнул:

– Повзрослеешь – поймешь.

– А... Ну ладно. Разрешите приступить к дознанию, ваше высококородие?

Действительный статский советник Каргер, генерал-майор Назаров и полковник Беклемишев на этот раз покосились на статского советника. Благово начал загибать пальцы:

– Опрос сослуживцев убитого денщика – раз. Беседа с ротным командиром... как его?

– Рутковский Вацлав Вацлавич, – подсказал Назаров.

– ...два. Ну и младших офицеров тоже надо расспросить – это три. Все это поручаю Алексею Николаевичу. А я поговорю с Асатцевым. Попробую получить от него характеристику того, что творится в полку. Тут, Нил Петрович, потребуется ваше содействие.

Беклемишев сообразил сразу:

– Характеристику? Вы хотите, чтобы офицер доносил на своих товарищей, а я этому содействовал?

Благово так же быстро рассвирепел:

– У вас в полку уже два покойника! Вам мало? Просите нас удалить язву, а сами в институтку играете? Гангрену не лечат примочками.

Вмешался начальник бригады:

– Нил Петрович, а я вам приказываю обеспечить сотрудничество капитана Асатцева с чинами полиции! С соблюдением этических соображений, разумеется.

Никто не понял, что под этим имел в виду генерал-майор, но формулировка всех устроила. Каргер поехал к себе, а сыщики направились вместе с полковым командиром в Красные казармы. Там Беклемишев дал необходимые приказания и удалился. На короткое время полицейские остались одни. Павел Афанасьевич требовательно посмотрел на помощника. Тот кивнул:

– Да, конечно, я поищу среди них осведомителя. Но понадобятся деньги. Хотя бы пятерину, а лучше десятку.

Статский советник вынул потертый бумажник с дворянской короной, долго в нем рылся и извлек две трешницы.

- На. Больше с собой нет. В отделении напишешь расписку.
- Слушаюсь. Фамилия Рутковский вам ни о чем не говорит?
- Нет. Это у тебя память феноменальная, а я, после того удара по башке, и все, что знал, позабыл. А тебе она о чем говорит?

Титулярный советник пожал плечами:

– С ходу не вспомню, но мелькало, мелькало... Вечером посмотрю во входящих.

И они расстались.

Первым делом Лыков представился батальонному командиру майору Костыро-Стоцкому. Тот сразу не понравился нижегородцу – типичный карьерист с хитрой физиономией и глазами как две заслонки. Майор вызвал капитана Рутковского и распорядился насчет опроса нижних чинов.

Когда сыщик увидел капитана, то понял, что тот еще противнее батальонера. Вот уж лис так лис! Пришлось прикинуться недалеким служакой, которому начальство поручило скучные формальности. Уловка помогла. Капитан выслушал первые две беседы и удалился, сославшись на дела. Алексей сразу оживился. Как раз зашел фельдфебель по фамилии Скоробогатый. Он быстро уяснил вопросы и ответил обстоятельно:

– Дрянной был солдат Елпидифор Сомов. Ох, паскудная душа! Ленивый, на руку нечистый, службу знал из рук вон.

– На руку нечистый? – насторожился сыщик. – Неужто у своих крал?

– Так точно, ваше благородие. У покойного подпоручика Шенрока деньги тырил по маленькой, тот сам мне жалился. И раньше пропадали в роте мелкие суммы. На него грешили... Побить хотели, да доказать не смогли. А по характеру – он! Оставшись без офицера, Сомов угодил в артель, делали они к масленице в Гордеевке лубочные ряды. И там отличился Елпишка своей бестолковостью. Выгнали из артели обратно в роту.

– Когда вернули Сомова в роту, с кем он там знался?

– Да ни с кем. Денщики от роты – как отрезанный ломоть: на учения не ходят, дежурств не несут, только и знают, что подай-принеси. Как алешки^[17], в общем. И, оказавшись снова в строю, растяпа наш жил наособицу.

– В увольнения он тоже один ходил, наособицу? Что можешь сказать за его знакомства?

Скоробогатый без раздумий ответил:

– А в кабаки он ходил. Причем в самые дурные, их вон на Миллионке вдосталь.

– На какие деньги мог там пить нижний чин? – усомнился Лыков. – На Миллионке в долг не наливают. Сапоги потребуют, а куда он без сапог?

Фельдфебель и тут за словом в карман не полез:

– А вот с краж и гулял.

– Но ведь не доказано.

– Не доказано. Однако как иначе лопать мануйловку с протопоповкой?^[18] А Елпишка бахвалился, что, кроме них, ничего не пьет.

Лыков и сам любил настойки московского парового водочного завода Протопопова. Однако со своим жалованьем мог позволить их себе только по большим праздникам. А тут рядовой солдатик.

Другие сослуживцы убитого дали ему такую же характеристику. Вороватый, ленивый, любил угоститься за чужой счет. Жадный – страсть! Самым полезным оказался младший унтер-офицер Кривошапкин. Как только он заговорил, сыщик остановил его и перешел на другой тон:

– Как тебя звать?

– Викула, ваше благородие.

– А по отчеству?

– Елисеевич.

– Викула Елисеевич, сколько тебе осталось служить?

– Год с месяцем.

– Ты у начальства, надо полагать, на хорошем счету?

– Вроде да...

– А куда хочешь поступить после отставки?

Унтер зачесал в затылке:

– Вот бы в конторщики на хорошее место. Или на железную дорогу.

– Чтобы попасть на такое место, нужно представить ходатайство.

– Я знаю. Надеюсь, господин ротный командир подпишет.

Лыков усмехнулся:

– Рутковский? Он с тебя денег за это потребует. А так и слушать не станет.

Кривошапкин смутился. А сыщик продолжил:

– Такое ходатайство, с подходящей характеристикой, можем дать мы. Ежели его превосходительство полицмейстер Каргер черкнет, тебя куда угодно возьмут!

– А... как бы это сделать, ваше благородие?

– Да уж не за спасибо. Нужно, чтобы ты рассказывал мне о настроениях в вашей роте. А лучше – и в батальоне, и во всем полку. Тайно от Рутковского.

Унтер-офицер напрягся:

– Стало быть, доносительством заниматься?

– Мы говорим: негласное осведомление.

– Но суть-то дела такая, как я сказал?

– А это как поглядеть, Викула. Вот у вас офицеры в карты играют, а потом стреляются. Как подпоручик Шенрок. Хорошо, что христианин жизни себя лишил?

– Плохо, очень плохо!

– А ведь этого можно было избежать, если бы его вовремя оттащили от соблазна. И человек сейчас был бы жив. Скажи, много у вас картежной игры?

Кривошапкин мялся, потом выдавил:

– Много. Так ведь среди офицеров, мне туда хода нет. Какой толк от моего осведомления будет? Копеечный.

– Умный человек найдет способ, – возразил сыщик. – Через денщиков, к примеру. Или тебе характеристика хорошая не нужна? Через год с месяцем. А я тебе еще и деньги буду платить. Вот, держи пока трешницу. Станешь получать такую каждый месяц.

Служивый разглядывал билет, потом недоверчиво спросил:

– За что мне деньги?

– За негласное осведомление. Поступаешь ко мне на связь. Сейчас пиши расписку: я, такой-то, получил три рубля, в скобках сумма прописью, от помощника начальника сыскного отделения титулярного советника Лыкова за освещение настроений в военной среде. Дата, подпись.

Кривошапкин накатал расписку, сунул трешницу в карман и начал рассказывать.

По его словам, Сомов якшался за пределами казармы с опасными людьми. И чувствовал себя с ними в своей тарелке. Знакомцы рядового поджидали его на выходе и вели в трущобы Миллионки, славящейся своими притонами.

– А для чего им нужен был солдат?

– Не могу знать, ваше благородие. Однако были у мазуриков к нему какие-то дела. Просто так поить не станут.

– Что за люди? Упоминал он имена, фамилии или клички?

– Так точно. Сброд, настоящий сброд. И жили они в окрестных ночлежках. На вид ребята страхолюдные – как Елпешка их не боялся? Вот и доигрался в конце концов...

– Какие именно ночлежные квартиры, не помнишь?

– Да разные. Даже в Лопухинских номерах он бывал.

Лопухинскими номерами называли пустырь за вторым корпусом Красных казарм, в полугоре кремля. Там издавна были поставлены ларьки и вырыты землянки. В каждой проживало по несколько человек всякого отребья, босяков злого пошиба. Даже днем мимо тех «номеров» лучше было не ходить – ограбят и изобьют. Полиция тоже старалась без особой нужды не соваться в эту клоаку. Облавы там проводили редко и лишь усиленными нарядами.

Новый освед[19] старался как мог и сообщил немало интересного. Так, он вспомнил клички двух приятелей покойного: Цапля и Колька Бешеный. Этих ребят Лыков понаслышке, но знал, и для сыщиков открывались возможности.

Сведения о картежной игре в роте были более скудными. Отделенный унтер-офицер действительно далеко отстоял от закрытой жизни золотых погон. Кривошапкин сообщил, что в Седьмой роте «болезни зеленого сукна» подвержены почти все офицеры. Оба поручика – Вейншторд и Денисьев и три из четырех подпоручиков – Албанович, Петров-второй и Кольцов-Масальский. Игру поощряет и даже предоставляет место на своей квартире капитан Рутковский. Лишь подпоручик Аглицкий сторонится карт, за что его буквально выживают из роты. Лыков сразу понял, что нужно поближе познакомиться с этим человеком.

Он вел опрос сначала нижних чинов, а затем и офицеров до вечера. Завербовать Аглицкого не удалось – тот сразу заявил, что доносить на товарищей не станет. Остальные благородия вместо ответа на вопросы об убитом отсылали сыщика к соседям по казарме. А про карты молчали, как про военную тайну. Когда титулярный советник собирался уже уходить, его вызвали к батальонному командиру. Тот напыжил усы и объявил:

– До моего сведения дошло, что вы спрашиваете моих офицеров насчет картежной игры!

– И что?

– Как что? Кто дал вам право задавать подобные вопросы?

Алексея стало раздражать хамское поведение майора. Он помнил, что тот идет на следующий чин и скандалы ему не нужны. Поэтому взял быка за рога:

– Полиция ведет дознание убийства рядового Сомова. Вашего батальона. Тот был ранее денщиком застрелившегося подпоручика Шенрока. Вашего же батальона. Дознание согласовано с начальником бригады генерал-майором Назаровым. Вы хотите

воспрепятствовать ему? Вопреки решению генерала? Прикажете доложить ему об этом?

Костыро-Стоцкий сразу пошел на попятную:

– Нет, что вы! Я имел в виду другое.

– Что же тогда? – продолжил нажимать титулярный советник, понимая, что с такими прощелыгами надо действовать только угрозами. – Две смерти одна за другой. А если завтра случится третья?

– П-почему третья? – растерялся майор.

– Ну а вдруг? Что тогда будет с вашим чинопроизводством?

– Но...

– Вот чтобы этого не произошло, я и задаю свои вопросы. Честь имею!

Только в десятом часу ночи Алексей оказался в управлении. Благово уже ушел. Помощник написал ему расписку на шесть рублей, приложил бумагу от нового осведа и направился в канцелярию. Там было пусто и темно. Титулярный советник раскрыл журнал входящих бумаг и стал внимательно его изучать. Нужное отношение обнаружилось быстро. Письмо Департамента государственной полиции сообщало о побеге заключенных. Пятнадцатого февраля 1881 года из Рыкинского, Плоцкой губернии, арестного дома путем взлома стены сбежали четверо арестантов: Войцех Стахович, Франц Соколовский, Людвиг Эртман и Антон Рутковский. Приметы последнего: возраст тридцать девять лет, роста среднего, лицо круглое, волосы светло-русые, глаза голубые, нос обыкновенный, рот умеренный, подбородок круглый. Одет в сюртук, серые брюки, фуражка синяя... Ну, фуражку можно поменять. А вот цвет волос и глаз, а также форма лица и подбородка были как и у командира Седьмой роты. Брат? И преступная специальность подходящая: карточный шулер.

Утром начальник сыскного отделения собрал подчиненных. Лыков отбарабанил свои открытия. В Седьмой роте играют почти поголовно. Хотя нищета русских офицеров вошла в пословицу. Где

младшие офицеры берут средства для игры? И как потом отдают долги? Тут поневоле застрелишься... Благово понял, что взял верный след. Он начал выяснять детали:

– А что, у старших офицеров денег навалом?

– У них чуть больше, а главное – есть ротное хозяйство, – ответил помощник.

– Давай подробнее про хозяйство.

– Павел Афанасьевич, расскажите сначала, как прошла беседа с капитаном Асатцевым, командиром Восьмой роты, который запретил у себя карточную игру, – перебил шефа помощник. Но Благово лишь поморщился:

– Капитан отказался со мной разговаривать. И вообще, выказал презрительное отношение к чинам полиции. Хотя мы с ним союзники, но...

Старая болезнь офицерства – задирать нос в общении с правоохранителями. Отчасти их можно понять – в фараоны из полка уходят самые никудышные люди. Те, кому негласно предложили покинуть строй и не позорить честь мундира. Но ведь не все в полиции такие! А золотопогонники мажут полициантов без разбора одной черной краской...

– Так что, Алексей Николаич, давай-ка про ротное хозяйство.

– Кто ж вам скажет правду? Это и есть главная военная тайна – где старшие офицеры достают средства.

Титулярный советник, любивший армию и ощущавший себя, несмотря на службу в полиции, ее частью, напомнил о военных обычаях. Начальство знает, что офицеры у него нищие. Но увеличить оклады содержания в три раза не может – казна не выдержит такого. Поэтому в обход правил придуманы лазейки. Главная из них – справочные цены. Это когда командир отдельной части (роты или полка) закупает провизию по тем ценам, которые указаны в бумаге Военного министерства. А не тем, что приняты на местном рынке. В бумаге цены всегда выше, сие делается умышленно. Командир платит за продовольствие меньше, да еще и со скидкой.

Разницу он кладет себе в карман. Хороший начальник из этих сумм балует солдат или носовыми платками, или полотенцами, а самые умные – завтраками. Поскольку в раскладке их нет и солдаты довольствуются чаем.

Однако справочные цены хороши в деревнях или местечках, где роты разбросаны на постое у крестьян. Те по большей части кормят солдатиков на свои, а потом пьют с ротным фельдфебелем водку и подписывают бумаги, что финансовых претензий не имеют... В Нижнем Новгороде такое невозможно. Войска по большей части стоят в казармах, а закупочные цены мало отличаются от справочных. Тогда в дело вступает солдатский труд. Артели мастеровых в погонах берутся за любые работы. Призванному в войска плотнику взять топор – большая радость. А если за это еще и платят – все лучше, чем скучать в казарме. У умного командира человек с ремеслом всегда при деньгах. Артель закрыла подряд, часть выручки сдала в ротную кассу, оставшуюся поделила между собой. И новый богач сразу понес деньги в солдатскую чайную. Некоторые выходят в отставку с сотней-другой наличности! У хорошего командира...

– Давай ближе к ротным, – потребовал на этом месте статский советник.

– Уже подошел. Ротный получает, помимо жалованья и столовых, еще и квартирные. А также часть артельных сумм и разницу в закупочных ценах, если она образуется. Лучше всего живут артиллерийские баре, те из-за фуража прямо купаются в деньгах. Кавалеристы несколько беднее, а пехотинцы самые нищие – там нет конного состава. Но все равно у хитрого ротного командира деньги в кармане звенят всегда. А наш Рутковский еще какой хитрый. Он, видимо, завел себе дополнительную статью дохода. Капитан живет в гостинице «Берлин» на Дворянской улице. Хозяин гостиницы, Аккерман, давно подозревается в том, что держит у себя тайный игорный дом. Так, похоже, не он держит, а командир Седьмой роты!

На сладкое помощник поднес шефу письмо Департамента государственной полиции. В феврале сбежали четверо фартовых, один из которых – шулер Рутковский. По приметам он вполне может приходиться братом капитану. Чем не версия? Два проходимца заманивают офицеров на «мельницу»^[20]. Один обыгрывает при помощи крапленых карт, а второй заставляет платить долг чести и покрывает всю махинацию.

– Капитанского чина для такого мало, – закапризничал Благово. – Тут хотя бы полк нужен.

– Ротные командиры и есть костяк полка, – ответил помощник. – В офицерском собрании их голос решает все. Шестнадцать рот – шестнадцать капитанов. Рутковский со своих прибылей нальет остальным водки, и те кивнут тупеем. Про долг чести.

Версия была неприглядная для репутации Девятого полка. Статский советник понял это и переменял тему:

– А что за связь у убитого денщика с нашими босяками?

– Да там не босяки, а головорезы, – тут же парировал Лыков. – Цапля – это мещанин Федор Цаплин, налетчик с Нижнего базара. Рештак^[21], отсидел три года в исправительном арестантском отделении. Лишен права проживания в Нижнем Новгороде, но спокойно тут квартирует. Колька Бешеный – личность малоизвестная, но, похоже, это беглый каторжник Николай Мозжевелов. Убийца, в циркулярном розыске.

В кабинете стало тихо. Этого только не хватало «карману России» – беглых убийц. Апрель, ярмарка не за горами. Когда съедутся сотни тысяч гостей, найти Мозжевелова станет труднее.

– Почему Цапля таится у нас под носом, а мы его терпим? – завелся Благово. – Что я скажу Николаю Густавовичу?

Встал Титус и сделал свой доклад. Федор Цаплин скрывается по подложным видам в ночлежных квартирах где-то вокруг Миллионки. Надо делать большую облаву. Заодно можно и Кольку Бешеного зацепить...

Миллионкой в народе называли Верхнюю и Нижнюю Живоносновские улицы с прилегающими к ним переулками: Рыбным, Торговым, Гарнизонным, Ивановским и Казарменным. Называли со злой иронией. Местность облюбовали босяки, «золотая рота», и забили ее своими немывтыми телами до отказа. Главные ночлежные квартиры полиции были хорошо известны. Это дома Кия и Польш на Почаинской улице, Сучкова – в Нагорном переулке, Торсуева – на Волжской набережной и сразу четыре дома на Живоносновских: Романычева, Сироткина (бывший Переплетчикова), Бролина и Колчина. Дома – настоящие притоны и рассадники антисанитарии. Они разбиты на каморки, в каждой из которых ночует до пятидесяти человек. Люди ютятся на нарах в три яруса, а также под нарами на полу. Итого в каждой ночлежке числится несколько сот человек. Многие из них не имеют документов и вынуждены скрываться от полиции. Есть откровенные жулики и даже бандиты – они и правят бал. Нравы в ночлежках суровые. Жильцы спят вповалку, без различия пола и возраста, отчего в каморках царит разврат. Мать с ребенком, беглый арестант и семнадцатилетняя девушка живут бок о бок. Вернуться оттуда в нормальную жизнь почти невозможно...

У Миллионки имеется свой генеральный штаб. Это вонючий трактир Рыжова на втором этаже дома бывшего Переплетчикова. Притон для уголовных, какие в Питере называют пчельниками, а в Нижнем – шалманами. Помойка первый сорт! Как водится, у заведения есть чистая и грязная половины, и посетители там разные. Правда, слово «чистая» приходится брать в кавычки. Но на столах хотя бы постелены бумажные скатерти и лежат ложки из алфенида^[22]. Сюда ходит местная аристократия: спившиеся чиновники и офицеры, содержатели каморок и съемщики, то есть барыги, скупщики краденого. Рядом Толкучий рынок, и поэтому с краденым полный порядок... Ну а в грязную половину лучше и не соваться. Там могут случайному человеку кулаками на теле такое выгравировать, что хоть в этнографический музей. Сердитые мужики

лушат пиво с водкой и обговаривают, кого сегодня ночью будут утрамбовывать. Если и искать Цаплю с Колькой, то начинать надо именно отсюда. Причем знаменитая клоака находится через улицу от Рождественской полицейской части!

Благово с Лыковым пошли к Каргеру, доложили вновь открывшиеся обстоятельства и предложили провести облаву на всем Нижнем Базаре. Заодно решили вопрос с Плоцком. Посылать запрос в Департамент государственной полиции Павел Афанасьевич счел ненужным. Это лишняя инстанция: оттуда напишут в Польшу, на всю переписку уйдут месяцы. Лучше сразу отбить телеграмму в Плоцк: есть ли у сбежавшего Антона Рутковского братья в офицерских чинах? Если подпись под запросом будет действительного статского советника Каргера, то на него ответят быстро. Николай Густавович сразу изъявил согласие: готовьте экспресс ^[23] за счет управления.

– А облаву?

– Нынче же ночью. Сбор всем частям. Пусть выделяют Рождественской по пятнадцать городских при помощнике пристава.

В Нижнем Новгороде в обычное время штаты полиции вполне достаточны. Город разбит на четыре части: Первую и Вторую Кремлевские, Рождественскую и Макарьевскую. В них служат четыре пристава, четырнадцать их помощников, двадцать околоточных надзирателей и сто семьдесят городских. Имеется также пристав конной стражи, под командой которого тридцать один всадник. Плюс речная полиция – два чиновника, девять надзирателей и девяносто один нижний чин. С 1 июля по 15 сентября дополнительно набирают временный ярмарочный штат – сто двадцать пеших полицейских и двадцать конных стражников. Это притом что на ярмарку присылают свои отряды московская и петербургская общие полиции, а военные – казачий полк.

Но, пока апрель, лишних людей нет, и большую облаву собрать было сложно. Каргер вызвал на совещание всех приставов. «Конному», барону Эйнзиделю, было приказано к полуночи запереть

стражниками выходы из Живоносновских улиц. После чего выполнять приказания статского советника Благово.

Павел Афанасьевич поставил задачу остальным начальникам. Полицейские должны войти во все восемь ночлежных домов одновременно в четверть первого ночи. Лыков с командой из самых сильных городских врывается в трактир Рыжова и проверяет у сидельцев документы особенно внимательно. Проверку сделают и в каморках ночлежных домов. Простые босяки сдадутся без боя, а те, кому нельзя попадать в руки полиции, полезут в окна и на крыши. Ну и пусть лезут. Чины сыскного отделения, переодетые в лохмотья, проследят за ними. А конные стражники отвернутся невзначай... Так агенты откроют новые притоны. Получив их рапорты, Благово пошлет туда тех же городских – облава будет как пьеса из двух действий с антрактом. К утру все подозрительные и бесписьменные должны сидеть на Ново-Базарной площади, во Втором корпусе губернской тюрьмы.

Приставы сразу задали резонный вопрос: как так, второй акт пьесы? Где взять для него людей? Ведь облава, по опыту, даст сотню, а то и полторы задержанных. Кто будет их сгонять, обыскивать, караулить и тащить на Ново-Базарную? Если городские пойдут по вновь открытым притонам... Павел Афанасьевич на это ответил: поведет их в цинтовку слабый наряд, который усилят конными стражниками. Чай, справятся при поддержке кавалерии. А усачи-городские нанесут второй удар, и он – самый главный. Норы Миллионки полиции в целом хорошо известны. А вот окрестные притоны, тайные укрытия и хазы барыг – другое дело. Куда побежит белая кость фартового мира? В Кушелевку, в Фабричную слободу или на Бугры? А может, в землянки Новой стройки?

До ночи сыщики провели в хлопотах. Алексей встретился со своими осведами, Титус – со своими. Благово срочно очищал места в тюремном замке, выгоняя мелкую шуштуру. Агент Форосков сел в грязной половине трактира Рыжова, изображая залетного

громилу. Агент Торсуев продавал на Балчуге медные часы за золотые и присматривался, кто из барыг чем торгует.

В четверть первого ночи, когда конные стражники заперли выходы с Миллионки, в ночлежные дома ввалились городовые. Лыков с Титусом шли во главе команды из шести отборных молодцов, держа курс на трактир Рыжова. Четверо захватили грязную половину, пристроившись возле ламп, чтобы фартовые не погасили свет. Титус потребовал предъявить виды. А титулярный советник сунулся в чистую половину. Двое оставшихся при нем людей перекрыли другой выход, Алексей фертом замер у стойки.

Как ни странно, сидельцы заведения не обратили на маневры чужаков никакого внимания. Они были заняты важным делом: пили водку и горланили песни:

– Отчего же наша Даша
Перестала к нам гулять?
Ах, Даша – не наша,
Чужая, Федина –
Сама про то ведала!

От окна несся другой распев:

– Паулина все финтила, финтила, финтила!..

Наконец вокалисты обратили внимание на широкоплечего парня, который слушал их с усмешкой, уперши руки в бока.

– Эй, рыластый черт! Чего лыбишься?

– Три пуда с фунтом вам, ребята! – услышали они в ответ. – Хотите чёску? Щас выпишу.

Несколько мазуриков, сильно пьяные, полезли на загадочного наглеца:

– Шалыган! Турболет проклятый! Мы тебе накладем по самое Рождество!

Лыков по молодости лет давно хотел подраться, да все не складывалось. А ему не терпелось узнать, совсем ли он излечился от ранения или не до конца. И взяв двух парней за плечи, он сильно смял их, зажав внутри третьего. Парни закричали от боли. Тогда сыщик толкнул их в грудки, и все трое с грохотом повалились на пол.

– Дело мастера боится! – самодовольно объявил Лыков зевакам. Те одобрили:

– Молодец, пра! Наддай им еще, особливо вон тому, рыжему!

– Да некогда мне дураков учить, я по делу. Цаплю не видели?

– А... – начал было один, но тут из грязной половины в чистую влетел фартовый:

– Вода! Псы нагрянули!

В зале поднялась суматоха, кто-то попытался выскочить через другую дверь, но уперся в городовых. Через пять минут все сидели по местам, песен не пели, а шарили по карманам в поисках документов. Общим счетом было обыскано двенадцать человек. Виды оказались только у троих, да и тех полиция задержала. Уж больно аляповато были сработаны эти виды... Да и ножи в сапогах нашлись, а у одного даже кистень.

Когда посетителей трактира стали выводить на улицу, один из них вдруг ринулся на прорыв. Он снес с ног титулярного советника, так что тот полетел с крыльца вниз головой. И вьюном проскочив сквозь строй городовых, припустил в Рыбный переулок. Еще двое босяков воспользовались суматохой и кинулись за ним. Полиция замешкалась, и не случайно – побег под видом фартового учинил Форосков. Теперь осталось лишь узнать, где прибьются ребята в поисках укрытия. В темноте угадывалось, что правят ход они в сторону казарм. А потом куда? Ниже по реке имелось несколько знатных шалманов. У Боровской переправы много лет стоял трактир

Олешникова, притон для воров. Рядом помещалась гостиница Нарышкина, где часто укрывались лихие люди. Еще два трактира прославили Фабричную слободу: Распопова и Романычева. Местность за ними полиция знала хуже. Кушелевская слобода еще хлеще Фабричной, там надзора почитай что нет. Солдатские улицы вокруг Этапного двора, караулки^[24] за Казанской заставой, потаенные норы Печерских выселков скрывали много тайн уголовных. Особенно досаждали полиции зловещие окраины в ярмарочное время. Летом они были набиты искателями наживы – от карманников до головорезов-мокрушников. Ежели задумка Благово даст наводку на одну-две «малины», уже, считай, польза. Статский советник выберет из арестованных самого податливого, завербует его и получит осведомление в преступных слободах.

Полиция разбиралась с задержанными до самого утра. Всего в замок доставили сто двадцать человек. Большую часть, разумеется, составляли бесписьменные – нарушители паспортного режима. Виды крестьянам волостное правление дает на полгода, после чего надо возвращаться в село и продлевать бумагу. А это дорого и хлопотно. Мужик начинает прятаться от проверок. Хороший домовладелец без документа не поселит, сжалится только плохой. Пообещает спрятать, но услугу надо отработать... Так безвредный селянин попадает в зависимость от темных людей. Дальше, если он слаб и не дурак выпить, ему дорога одна – сначала в арестный дом, а затем и в тюрьму.

Шесть или семь мазуриков привлекли внимание сыскной. Эти были не из комплекта, который фартовые именовали «дядя Сарай»^[25]. Все они отсидели в цинтовке и промышляли преступлениями. Мелкими, вроде воровства, но именно «красные»^[26] составляли основную массу уголовных. Их Благово с Лыковым и стали расспрашивать насчет Цапли и Кольки Бешеного.

Сначала дело не задалось. Предъявить задержанным было нечего, месяцем тюрьмы за ношение ножа таких людей не напугаешь. Повезло Алексею. При обыске у галмана по кличке Вырвиглаз

в сапоге отыскались серии Первого внутреннего выигрышного займа от марта 1880 года. Серии были фальшивые. Сыщиков ждал большой успех. Они давно знали, что в Нижний привезли серьезную партию липовых облигаций. Две из них уже всплыли при расчетах. Попались мелкие фигуры, которые не могли привести к заправилам. А вот в сапоге у фартового средней руки оказались купоны на пятьсот рублей! За такое парню светили арестантские роты, и то если сыщики окажут снисхождение...

Находка Лыкова сразу выводила дело на новый уровень. Она была даже важнее поиска убийц рядового Сомова. Одним махом облава оправдала себя, причем неожиданным образом. Теперь требовалось ковать железо, пока горячо. Вырвиглаз – по паспорту Гордей Рещиков – сдулся быстро и выдал поставщиков фальшивых серий. Мошенники, три еврея из Могилева, поселились очень хитро. Не в номерах, не на съемной квартире, а в иудейской молельне на Алексеевской улице. «Блиноделы»^[27] подрядили для распространения самого Ивана Чуфранова, главного на Нижнем Базаре скупщика краденого. И тот мобилизовал два десятка мазуриков, которые должны были незаметно пустить купоны в оборот. Благово лично поехал на Алексеевскую арестовывать негодяев, ведь за такое Министерство финансов выдаст потом денежную награду. А Лыков остался добивать Рещикова.

– Ну, теперь расскажи мне про Цаплю и Кольку Бешеного, – потребовал он. – Терять тебе уже нечего, валяй.

– Это которые денщика сложили?^[28] – тут же сообщил важное галман.

– Они самые. Во-первых, за что сложили? А во-вторых, где их искать?

Вырвиглаз оказался сведущим человеком. Похоже, он занимал в иерархии мелкого жулья не последнее место. Хороший кандидат для вербовки!

– Денщик тот был дрянцо с пыльцой...

– За это не убивают.

– За это нет, – согласился галман. – А приткнули Елпишку за другое. Точно не скажу, сам не знаю, однако был к нему счет за его бывшего начальника. Елпишка прежде денщиком служил у какого-то офицера. И тот себя стрельнул. Слыхали небось, ваше благородие?

– Подпоручик Шенрок? – уточнил сыщик.

– Черт его ведает, может, и Шенрок. Вскоре после Рождества дело было.

– И что за счет по поводу офицера предъявили Сомову? – насторожился Алексей. – Самоубийство, денщик-то тут при чем?

Решиков хитро посмотрел и ответил вопросом на вопрос:

– А мне снисхождение сделают? Видать, вы мимо правды прошли, а я вам важные сведения на блюдечке принесу.

– Снисхождение непременно, и не только оно, – в тон вору ответил сыщик. – Можешь вообще мимо цинтовки проскочить. Ежели договоримся и станешь нашим осведомителем.

– Капорников^[29] фартовые режут, – зябко повел плечами Вырвиглаз.

– Глупых режут, а ты будь умнее. Я же вижу – ты птица высокого полета, – польстил вероятному агенту титулярный советник. – И серий на полтыщи тебе доверили, и про убийство Сомова знаешь. Соглашайся – и окажешься в выгоде. Дружить с полицией полезно.

– Дозвольте подумать, ваше благородие.

– Умение думать – хорошее качество. С умными и дело иметь приятно. Но что насчет денщика?

Вырвиглаз чесал-чесал в затылке, потом сказал:

– Сдается мне, не сам себя подпоручик стрельнул.

– Даже так?

– Ну, иначе за что Елпишку убивать? А? Ведь как сделано! Выманили из казармы, споили, затащили к Вшивому кусту... А до того неделю водили по кабакам, совращали, в друзья навяливались... Одних денег на водку извели страсть.

Лыков продолжил рассуждения арестованного:

– Ты полагаешь, что денщик участвовал если не в самом убийстве подпоручика Шенрока, то в заметании следов?

– Полагаю, заметал. Убивать самому – жила у дурака тонка была. Я ведь Елпидифора Сомова хорошо знал. Ничтожный человек.

– Ладно, не сам. Помог подделать обстоятельства, и так ловко, что все сочли это самоубийством. Но зачем его убивать спустя три месяца?

– Не знаю. Может, он деньги начал вымогать. А может, там решили оборвать ниточку. На всякий случай.

– Там – это где? – Лыков надеялся узнать ответ на главный вопрос. Однако Решиков разочаровал сыщика:

– Того не знаю. Кто-то умный банковал. Ни Цапле, ни Кольке Бешеному такое не по мозге.

– Банковал... Там что, карты замешаны? Шенрок оставил записку, что платит долг чести.

Но капорник открестился. Знать не знаю, дело не мое. Поймите тех хорьков, у них и спрашивайте.

– Хорошо, – не стал давить титулярный. – Где их искать? Подскажи.

– Они спелись как два товарища, ходят завсегда вместе. Колька – главный, Федька принимает его старшинство. Откуда-то есть у них и деньги. Прячутся как умеют, часто меняют квартиры. Где сейчас – не ведаю...

На этих словах дверь в кабинет начальника отделения открылась, и в проеме показался Форосков. Он не успел переодеться в обычное платье и выглядел истым оборванцем. Надзиратель делал начальнику знаки, вызывая в коридор.

Лыков вышел:

– Ну?

– Поехали Цаплю вязать.

– Ух ты! И где этот негодь?

– В караулке спичечной фабрики Финогенова по Солдатской набережной. С ним еще халамидник увязался, захватим и его

для статистики.

– А Кольки Бешеного нет?

– Нет. Чего жадничать, Алексей Николаич? Хватайте кого можно! А ловко я вас давеча с крыльца низверг? Не ушиблись? Ха-ха!

– Едем, золотая рота!

Алексей отправил Рещикова в камеру временного содержания, и они, прихватив утомленного бессонной ночью Титуса, отправились ловить экипаж. У дверей сыщикам попался Благово. Он распоряжался возле пролетки, из которой высаживали трех человек яркой семитской наружности.

– Взяли, Павел Афанасьевич? – обрадовался титулярный советник.

– А то! От меня разве уйдешь?

– И серии при них?

– На тридцать пять тысяч. А вы куда?

Помощник кратко рассказал шефу и о результатах допроса галмана по кличке Вырвиглаз, и об открытии Фороскова. Закончил так:

– Глаза слипаются. Надо быстрее повязать Цаплю да пойти соснуть.

– Молод еще уставать, – завел свою обычную песню Благово. – Я в твоём возрасте...

– ...за целый пароходофрегат отвечал, – продолжил Алексей. – Помню, но спать все равно охота. Конфискую ваш экипаж!

Арест Федора Цаплина не представлял трудностей. Тот прятался в маленькой избенке возле спичечной фабрики – ждал темноты. А дождался Лыкова. Когда рештака усадили под лампу, он попытался юлить, затем неумело сыграл умопомешательство... Сыщики посмеялись, отвесили негодяю пару затрещин. Но мазурик уперся: ничего не знаю, никого не убивал, а про Кольку Бешеного слыхом не слыхивал.

Статский советник вызвал титулярного и сказал, глядя в пол:

– Не хочет колоться. Но есть способ заставить.

Тот вместо пола уставился в стену:

– Бить?

– А куда деваться, Алексей? Колька на свободе. Хочешь дождаться, чтобы он еще кого-нибудь зарезал?

– Не могу, Павел Афанасьевич. В сшибке любого в бараний рог скручу. А тут, когда он не может отвесить сдачи...

Сыщики помолчали, потом Благово предложил:

– А давай армию попросим. Убит солдат, а возможно, что и офицер. Пускай помогут полиции.

Обрадованный Лыков (не ему мордовать пленного!) помчался к командиру бригады. Генерал-майор Назаров принял его сначала приветливо. Но, когда услышал просьбу, скривился:

– Мы вам что, палачи из застенка Тайной канцелярии?

– Мы тоже не палачи.

– Про вас, полицию, всякое говорят. Вам и карты в руки. Репутация, как бы помягче сказать, давно потеряна.

– Говорят, – кивнул Алексей. – Да только вранья больше, чем правды. Но ведь убиты военные. Спустить упырям?

Генерал встал, подошел к окну и долго там что-то разглядывал. Потом вдруг воздел руки:

– Как же я сразу не додумался? Есть выход.

Он оборотился к сыщику и пояснил:

– Прислали нам на исправление фельдфебеля.

– Фельдфебеля?

– Да. Его убрали из дисциплинарного батальона. За чрезмерную жестокость!

Лыков опешил:

– Из дисциплинарного – за чрезмерную жестокость? Что же он там вытворял?

– Вам, Алексей Николаич, лучше этого и не знать. Я сам, когда читал, места себе не находил... Пристроили мы ту зверюгу в служительскую команду бригадного штаба. Ведет себя тихо, урок усвоил, помалкивает. Даже пива не пьет. Но нутро, конечно, у него

осталось прежнее, людоедское. Пускай тот фельдфебель вам и отмутузит пленного.

Идея была подходящая. Лыков тут же телефонировал шефу и попросил прислать Цапина в штаб бригады на Ошарскую. Назаров тем временем вызвал фельдфебеля. Звали его Парфен Теплов. Вид у служивого на первый взгляд был обыкновенный – и не скажешь, что людоед. Однако, услышав, что надо довести до признания одного паршивца, фельдфебель преобразился. В глазах его заиграли странные искры.

– Ваше превосходительство, – обратился он к генералу, – я могу любые средства применить?

– Спроси об этом титулярного советника Лыкова, – безглаголиво ответил начальник бригады.

– Любые, лишь бы был результат, – подал голос сыщик, с трудом удерживая взгляд на Теплове. Тот заявил авторитетно:

– Такие есть средства, что всегда дают результат!

Когда привезли подозреваемого, его тут же показали Теплову. Парфен менялся на глазах: щеки покрылись румянцем, кончики усов трепетали. Цапля, наоборот, увидев палача, сразу все понял. И съежился, как лопнувший шарик. Фельдфебель взял жертву за воротник и, едва не пританцовывая, увел. А титулярный советник остался ждать.

Рештак продержался час, после чего дал полное признание. Он подтвердил, что участвовал в убийстве денщика. Сам не резал – это проделал Колька Бешеный. К тому времени Елпидифор Сомов был уже пьян в зюю и мало что соображал. Колька зашел ему за спину и убил одним ударом... На беду, вдалеке показалось стадо, и злодеям пришлось срочно спасаться бегством. Даже карманы обыскать не успели.

– Кто правил телегой? – уточнил Лыков.

– Я и правил. Взял на время у знакомого с Канатной улицы. Тот ничего не знает, беззлобный человек...

– Перед тем как убивать, куда вы водили Сомова?

– По разным местам, ваше благородие. Все больше питейные дома. Раз зашли в трактир Ястребова на Тихоновской, когда Елпишка жрать захотел. На полтора рубля нажрал, сволочь.

Лыков навис над арестантом:

– Главный вопрос: за что убили денщика?

– За то, что болтал.

– Насчет смерти подпоручика Шенрока?

– Да.

– И кто приказал его резать?

Цаплин поднял на него испуганные глаза:

– Ей-богу не знаю, ваше благородие. Колька знает, он договаривался. Пятьдесят рублей обещали...

– Фельдфебель!!! – заорал Лыков. – Ко мне!

Вбежал Теплов и вытянулся во фронт:

– Здесь! Какие будут приказания?

– Упирается, не хочет правды говорить. А ну-ка, еще раз его!

Цапля упал на колени и стал растирать слезы на вспухшем от побоев лице:

– Христом Господом клянусь, не знаю я, не знаю! Пощадите, ваше благородие, грех на себя берете...

– Ладно, – смягчился сыщик. – Скажи, как нам товарища твоего поймать. Который под левую лопатку бьет.

Ротник^[30], не вставая с колен, сообщил:

– В Жандармских оврагах он прячется.

– Где именно? В чьем доме и есть ли у него при себе документы?

Цапля начал вспоминать:

– Бумаги кое-какие имеет, но так себе... Свидетельство о зачислении в ополчение и еще другое свидетельство – о вступлении в супружество. Оба на фамилию Петров... кажется.

– Точно Петров? Может, Сидоров?

– Петров, вспомнил, как есть Петров. Колька его в Ковалихинском овраге раздел, еще зимой. Полушубок снял, из ордынских овчин,

крытый черным сукном, и бумаги отнял. А паспорта не было, и ходит Колька без паспорта.

Лыков сразу вспомнил этот случай:

– В конце декабря? Так вот кто его совершил... Значит, в Жандармских оврагах прячется. А у кого?

Цапля опять зачесал затылок:

– К бабе он пристроился, имя у нее такое странное: Нектария. Фамилию не знаю и дом не знаю. Был там один раз ночью. В оврагах тех черт ногу сломит.

Больше ничего важного арестованный не сообщил и был отправлен в Первый корпус, на Острожную площадь. А Лыков пошел докладывать шефу.

Жандармские овраги – местность справа от Гребешка, если смотреть с реки. Собственно овраг один, но он имеет четыре больших отрога, которые врезаются в высокий окский берег. Название свое расщелина получила от жандармского эскадрона, который тридцать лет назад стоял над ней. Казарма, конюшня, огороды – ничего этого больше не было, но название осталось. В последние годы верх местности начал заселяться. Управа спроектировала там несколько улиц: Малая и Большая Перекрестные, Дальняя, Воскресенская, Архангельская, Третья Ямская. На них селились обыватели средней руки. Однако по неведомым причинам место облюбовали также и мазурики. Оно получило название Бугры и печально прославилось публичными домами и воровскими притонами.

Но самая клоака находилась внизу. По склонам оврага и на его дне скучилось более трехсот незатейливых хибар! В них проживало до двух тысяч человек. Все дома были возведены незаконно, без разрешения властей, а значит, без строительного надзора и соблюдения санитарных норм. Там и строить-то нельзя! Крутые склоны грозили оползнями. Но люди селились, не обращая внимания на опасность. Русский «авось» торжествовал. Картина сложилась дикая: узкие кривые переулки, ямы, помойки, землянки

и дощатые балаганы... Обитатели оврага, люди небогатые, были при всем при том обычными рабочими с соседних заводов. Внизу располагались мельницы Башкирова и Дегтярева, пивные заводы Барабатенко и Булычева, амбары графов Шуваловых, князя Голицина, графа Строганова, княгини Абамелек-Лазаревой. Другие бедолаги ходили через весь город на кирпичные заводы или бойни. Трудовой люд, далекий от легких денег воров и налетчиков, тем не менее охотно их привечал. И селил без прописки за сороковку в день... Как найти в таких джунглях лихого человека? Ежели между аборигенами существовал негласный уговор – фартовых не выдавать...

У Благово был ответ на этот вопрос. Наверху к кромке обрыва подходила новая улица, которая так и называлась: Большие Овраги. От нее вниз шла крутая тропинка. В полугоре она упиралась в ровное место, на котором притулилась единственная в расщелине чайная. В нее стекалось все окрестное население. И не просто так: тамошний хозяин подавал в чайниках вместо кипятка водку. Еще он занимался незаконной варкой мыла и скупал краденое. Звали жулика Иван Суседов. Когда он в очередной раз попался, Павел Афанасьевич его завербовал. И псевдоним придумал подходящий: теперь агент Мыловар осведомлял сыскную полицию о том, что происходило в закрытом для посторонних глаз овраге.

Петр Форосков, не снимая грязных лохмотьев, отправился в чайную и передал хозяину приказ: в одиннадцать вечера прийти на явочную квартиру в Крутиковской улице. Там Суседова ждали двое: начальник отделения с помощником. Лыков сразу взял быка за рога:

– Скажи, Иван, кто из баб в вашем овраге носит имя Нектария? Много таких?

– Одна токмо и есть, вдова Нектария Семенова.

– Что за фигура?

– Да не сказать, чтобы фигура, – хмыкнул блатер-каин. – Толста – это точно. Но ничем другим не примечательна. По кой ляд она вам

сдалась, господа сыщики?

– А чем Нектария зарабатывает?

– Живет от себя ^[31].

Тут заговорил статский советник:

– У нее, я слышал, новый дроля завелся?

– Не знаю, ваше высокородие, – ответил Суседов. – Я за дурой-бабой и не смотрю, их вон сколько, целый овраг. А надо присмотреть?

– Надо, и срочно.

– Дозвольте спросить, ваше высокородие, а что за дроля? Вы и имя можете назвать?

– Колька Бешеный его зовут. Иначе – Николай Мозжевелов. Потомственный варнак и очень опасен. Ты хочешь сказать, Иван, что не знаком с ним? И в чайную он не ходит?

Суседов ответил очень серьезно:

– Не знаком и не ходит. Однако баба его дважды в последнюю неделю покупала у меня брыкаловку ^[32]. Чего раньше не делала.

– Ему и покупала! – обрадовался Лыков. – Там Колька, у шалавы прячется.

– А чем платила Нектария? – прозорливо ткнул пальцем в собеседника статский советник. – Случайно не полушубком?

Освед опешил:

– Почем вы знаете, ваше высокородие?

– Ордынских овчин, крытый черным сукном?

– Так точно. Однако как?..

– Придется вернуть его потерпевшему, крестьянину Петрову. Я тебе велел быть осторожнее!

– Иначе у нас нельзя, прогоришь, – развел руками кабатчик. – Да и народ не поймет, заподозрит неладное. Придется вам потерпеть мои махинации... для пользы дела. Что я должен, чем могу вину искупить?

– Показать нам жилище Нектарии Семеновой, – влез Лыков.

Все трое принялись рассуждать, как лучше это сделать. Если владелец чайной будет шляться по оврагу с посторонним человеком, да еще пройдет мимо дома Нектарии, потом арест каторжного могут связать с этой прогулкой. А нарисовать план невозможно из-за дикой застройки местности. Как быть? Алексей предложил нарядиться грузовщиком^[33] и притащить что-нибудь в чайную под присмотром хозяина.

– Где дом Нектарии?

– Неподалеку от Башкировских мельниц. В полугоре.

– Тебе мука оттуда не нужна?

– Да можно взять куль... пудов на девять... Только как вы его допрете, ваше благородие? Гора у нас крутая!

– Но мы пройдем мимо нужного дома? – настаивал титулярный.

– Пройдем, и я дам знак. Однако же девять пудов!

– Зато никто не заподозрит.

Агент Мыловар только крякнул.

В результате утром следующего дня в овраг со стороны Благовещенской слободы шагали двое. Впереди указывал дорогу владелец единственной в округе чайной. За ним крепкий малый в обдергайке тащил куль крупчатки. Девять пудов он нес не на спине, а на плече! Как будто там была вата... Вокруг шла повседневная жизнь. Бабы, высоко задрав юбки, полоскали в Жандармском ключе белье. Мальчишки играли в свайку, а рядом, развалясь на солнце, храпел пьяный. На ногах его были дешевые клеенчатые сапоги, настолько дрянные, что их даже никто не снял. Ветошник рылся в мусоре, извлекая из него железным крючком кости и тряпки. Два босяка сидели на взгорке, распивали полуштоф, любовались ногами прачек и рассуждали о смысле жизни. Краснощекая толстуха сидела напротив и орала в голос:

– Ах ты, береза, ты моя береза,

Все-то вы пьяны, я одна твереза!

А на том берегу сияло всегда красивое Заочье: колокольни кунавинских храмов, мачты первых пароходов, густая зелень Савеловой Гривы...

Проходя мимо кособокой избенки, больше похожей на баню, Суседов на секунду остановился поправить штанину.

Спустя четверть часа парень в обсыпанной мукой обдергайке шел обратно. Он глупо улыбался, звенел зажатými в кулаке монетами и напевал «Солучилася беда у Софронова купца». Явно располагал, как лучше пропить выручку. На крыльце кособокой хибары стоял высокий мужик в невообразимых^[34] ядовито-лилового цвета и справлял малую нужду. Оба не обратили друг на друга никакого внимания.

Вычислив укрытие каторжника, Лыков заглянул в острог. Цапля пришел в себя после допроса, но выглядел по-прежнему неважно.

– Да, Федор, перевязочный пункт у тебя под глазом еще неделю продержится, – съязвил сыщик. – Нечего было людей убивать!

– Я не убивал, вашество.

– Ага, споспешествовал. За руки держал.

– И за руки не держал, а токмо водку с ним пил.

– Да, а потом денщик умер. Ты овечкой-то не прикидывайся, каторги не миновать. Но смягчение участи, считай, у тебя в кармане – за чистосердечное признание. Скажи мне еще вот что. Колька Бешеный какой человек?

– Бешеный и есть, – сник мазурик. – Чуть что не по нему, сразу в рыло.

– Сильный?

– Не то слово. Прямо черкасский бык!

– Ну, я ему рога отшибу, бык и присмирет, – осклабился титулярный. – А когда он у своей бабы бывает, днем или ночью?

– Ночью он, ваше благородие, на грант ходит, разбойничает, стало быть. После чего в шалмане угощается или читает книжку в тридцать два листа^[35]. А утром отсыпается. Если хотите его заарестовать, то утром самое то.

– Кто еще у его бабы может быть в доме? Другие жильцы есть?

Цапля стал припоминать:

– Были трое с пивоваренного завода Барбатенкова. Простые мужики, с деревень. Они утром на работу уйдут.

– А в какие шалманы Колька заглядывает?

– На Буграх, в портерной Ляхова бывает. Трактир Каткова на Ильинке даже любит. В Гордеевке в номерах Чувосеева в карты дуется. А еще есть «мельница» на улице За острожным огородом^[36], по-возле Полевых казарм. Голубенькие ставни, хозяина зовут Фавст.

– Значит, ежели я приду с утра пораньше, есть вероятность с Бешеным с глазу на глаз поговорить?

– Так точно.

Алексей поднялся, слегка хлопнул арестанта по плечу. Тот вскрикнул:

– Ой!

– Не ойкай, а готовься. Скоро свидишься со своим товарищем. И расскажешь ему про фельдфебеля Теплова. Пусть сбережет наше время – все равно Теплов его приведет к чистосердечному. Только дольше мучиться будет.

Ночью в городе случился новый разбой. Поставщик мяса для боен с салотопкой Нищенкова, прасол Чох, припозднился с поставкой. И возвращался уже в темноте, имея при себе девятьсот рублей. Да еще пошел, дурак, пешком. На Напольно-Солдатской, возле Печерских казарм, выскочил человек большого роста и жахнул прасола по голове кулаком. Очнулся бедолага без выручки и с шишкой на темени. Хорошо еще, из казарм прибежали казаки и спугнули бандита, а не то все кончилось бы много хуже.

Под утро Лыков с Титусом сумели его допросить. Чох уже пришел в себя и держался бодро. На вопрос о приметах нападавшего он

ответил:

– Рост – два аршина десять вершков ^[37], кудлатый, одет в синие шаровары русской ткани и суконную жилетку. Сверху пальто на вате, на шее холщовый кисет.

– Как же вы кисет рассмотрели? – удивился Ян.

– А перед тем, как сознания лишиться, – пояснил прасол. – Он туда мои деньги засовывал.

– Особых примет не помните?

– Злой. Слова не сказал, сразу бить. Я бы отдал без спора, так он даже и не предложил...

Утром Благово объявил всему отделению:

– Пора этого злого прекратить. Надоел он мне. Лыков!

– Так точно!

– Что «так точно»?

– Прекратим. Да я его одной левой...

– Возьми Титуса с Форосковым и доставьте мне эту сволочь.

Титулярный советник попросил назначить его одного – много чести втроем брать Кольку Бешеного. Но шеф цыкнул и закончил совещание. Через час сыщики подходили к избушке Нектарии Семеновой. Было холодно, от Оки полз туман. Навстречу группками по два-три человека спускались по тропе рабочие. Они оглядывали незнакомцев и прибавляли шаг.

Вот и знакомая хибара. Лыков похлопал себя по карману – легко ли вынимается револьвер. Вроде легко... В этот момент изнутри донеслось дружное хоровое пение:

– Отъезжает мой соколик

В Нижний мылом торговать!

Арестная команда укрылась за углом, Лыков зло прокомментировал:

– Пивовары решили на службу не ходить. Вот шаромыжники!

– Что делать будем? – Титус сунул «смит-вессон» обратно за пояс. – И стрелять нельзя...

– Я его выманю, – сообразил Форосков. – Спрячьтесь по бокам от крыльца так, чтобы вас не было видно.

Лыков с Титусом присели на корточки у крыльца. Петр забарабанил в дверь:

– Нектария, отворяй!

Песня сразу стихла, и послышался женский голос:

– Кто там еще в такую рань?

– Это я, Ванька!

– Какой еще Ванька?

– А у тебя их много, что ли? Отворяй, я деньги принес!

Это была старая уловка сыщиков. Волшебная фраза «я деньги принес» открывала любые двери. Кто, какие деньги – не важно. Так и сейчас: стукнул засов, и наружу высунулся рослый мужик в кубовой рубахе, с холщовым кисетом на груди.

– Ты кто?

– Бабу позови.

– Она без бандероли, в одной кофте.

– Да я ее всякую видал, и без кофты тоже, – хохотнул гость. – Зови!

Мужик осерчал и вылез на крыльцо:

– Это где ты ее без кофты...

Договорить он не успел. Лыков выскочил сбоку, взял его за бороду и сильно дернул. Детина полетел вниз, матерно ругаясь. Титулярный оседлал его и занес кулак. Хрясь!

В наступившей тишине наружу стали выползать пьяные. Титус с Форосковым спихивали их с крыльца затрещинами, направляя под окна:

– Быстрее, черти люстриновые! Становись во фронт, приготовить виды для проверки!

Колька Бешеный, отведав лыковского кулака, лежал без сознания. В карманах у него нашлись восемьсот рублей из выручки Чоха. Остальные певцы, числом семеро, безропотно выстроились в шеренгу. Пивоваров сыщики отпустили, велел поспешить на работу. Четверых бесписьменных и бабу записали в пленные.

Колонна медленно поползла вниз, к набережной. Возле складов Дегтярева каторжный, придя в себя, попробовал сбежать. Алексей шел сзади и не спускал с него глаз. Почувствовав угрозу, он сунул в спину Кольке кулак, и тот надолго разлегся на булыжнике.

– Еще раз дернешься, сделаю калекой, – предупредил сыщик.

Нектария присела возле кредитного и сказала с сочувствием:

– Ты, Коля, не бежи. Это Лыков...

В управлении полиции арестную команду дожидался Благово. Он сразу начал допрос. Привели Цаплю, который повторил свое признание. Несмотря на это, Мозжевелов все отрицал. Даже знакомство с рештаком! Тогда их заперли в одной камере. Как было намечено Павлом Афанасьевичем, Цапля стал стращать каторжника. Вот попадешь к фельдфебелю Теплову, по-другому запоешь. Он из человека окрошку делает. Лучше сознайся сейчас, пока здоровье есть. Опять же, Лыков ударом кулака гвозди в стену вколачивает, он жиганет с другого боку.

Запугивание Кольки Бешеного дало результат. Но совсем не тот, какой ожидали сыщики. Ночью беглый разорвал на полосы чехол от тюфяка и повесился...

Благово пришлось делать неприятный доклад сначала полицмейстеру Каргеру, затем губернатору Безаку. Ему помогла телеграмма из Министерства финансов. В столице высоко оценили открытия нижегородцев по розыску поддельных серий. В награду было дано целых полторы тысячи рублей. Статский советник взял себе пятьсот, помощнику нарисовал двести пятьдесят, а остальные поделил между чинами отделения. Включая прикомандированных к нему городских. Сыскари, живущие на скромное жалованье, были рады несказанно... А жалованье городского нижегородской полиции

составляло всего пятнадцать рублей в месяц. Каждый целковый сверх того – редкая удача! Лыков справил себе новый пиджак, а сестре купил кенгуровые воротник с обшлагами к теплому дипломату^[38].

Один Павел Афанасьевич остался недоволен:

– Шел в комнату, попал в другую! Искали убийцу, а нашли фальшивые купоны. Еще и наградные заработали.

– Убийцу мы тоже нашли, – возразил помощник. – Даже двоих.

– И что? Заказчик, главное лицо в преступлении, по-прежнему неизвестен. За что убили подпоручика Шенрока?

– Возможно, не убили, а довели до самоубийства, – опять не согласился Алексей.

– Допускаю, что довели. Но это равносильно убийству. И денщика зарезали, чтобы не разболтал тайну. А Мозжевелов счел за лучшее удавиться, чем назвать имя главного злодея. Кто этот имярек?

– Не знаю.

Павел Афанасьевич вздохнул, потянулся и закончил:

– Айда отдыхать. Больше мы сейчас ничего не выведем. Очень может статься, что и никогда. И преступление останется нераскрытым.

Лыков смиренно напомнил:

– У каждого врача за спиной свое кладбище неизлеченных больных. У каждого сыщика есть нераскрытые преступления. Пойдемте домой. Через два дня Пасха, а мы о злодеях...

Тут явился рассыльный и вручил статскому советнику телеграфный бланк. Тот пробежал его глазами и бросил на стол:

– Твоя догадка подтвердилась. Пришел ответ из Плоцка: брат беглого арестанта Антона Рутковского, Вацлав, служит в Девятом пехотном полку в чине капитана. Антон – известный карточный шулер, часто навещал Нижний Новгород, в начале года прибыл в Плоцк именно отсюда. Был арестован, сбежал из-под стражи и, по догадкам тамошней полиции, может вновь приехать на Волгу, под защиту брата. Но теперь нам от этого факта ни холодно,

ни жарко. Эх! Ну, идем...

Десятого мая, спустя полмесяца, Алексей сидел в общей комнате и занимался поденщиной. Возле Дюкова пруда ограбили агента взаимного земского страхования. Залезли в квартиру инспектора нижегородско-тюменского ссыльного тракта полковника Вокача. А на знаменитой, в двести семнадцать ступеней, лестнице с Гребешка к Оке срезали часы у протоколиста Сиротского суда... По кой черт он шлялся там ночью? А тут еще дурацкие письма из столицы. Департамент государственной полиции поручил разыскать турецкоподданного Чифчи-Хусейна-Агу-оглы Языджи-Али. Язык сломаешь! Жительница Филипполя обратилась в русское посольство, прося найти пропавшего сына. Оглы попал в плен на минувшей войне и домой так и не вернулся. Ищи-свищи теперь бывшего янычара... Видать, понравилось ему в России! Другим отношением срочно приказывалось найти имущество и капиталы бывшего майора Двенадцатого Туркестанского линейного батальона Семяги. Казнокрада лишили всех прав состояния и сослали на житье в Томскую губернию. Но того, что конфисковали, не хватило на покрытие похищенного, недоимка составила 2069 рублей и 44½ копейки. Теперь следователь пытался обнаружить тайники вора и реквизировать и их. Почему столичные начальники решили, что и беглый турок, и секретные счета бывшего майора находятся в Нижнем Новгороде?

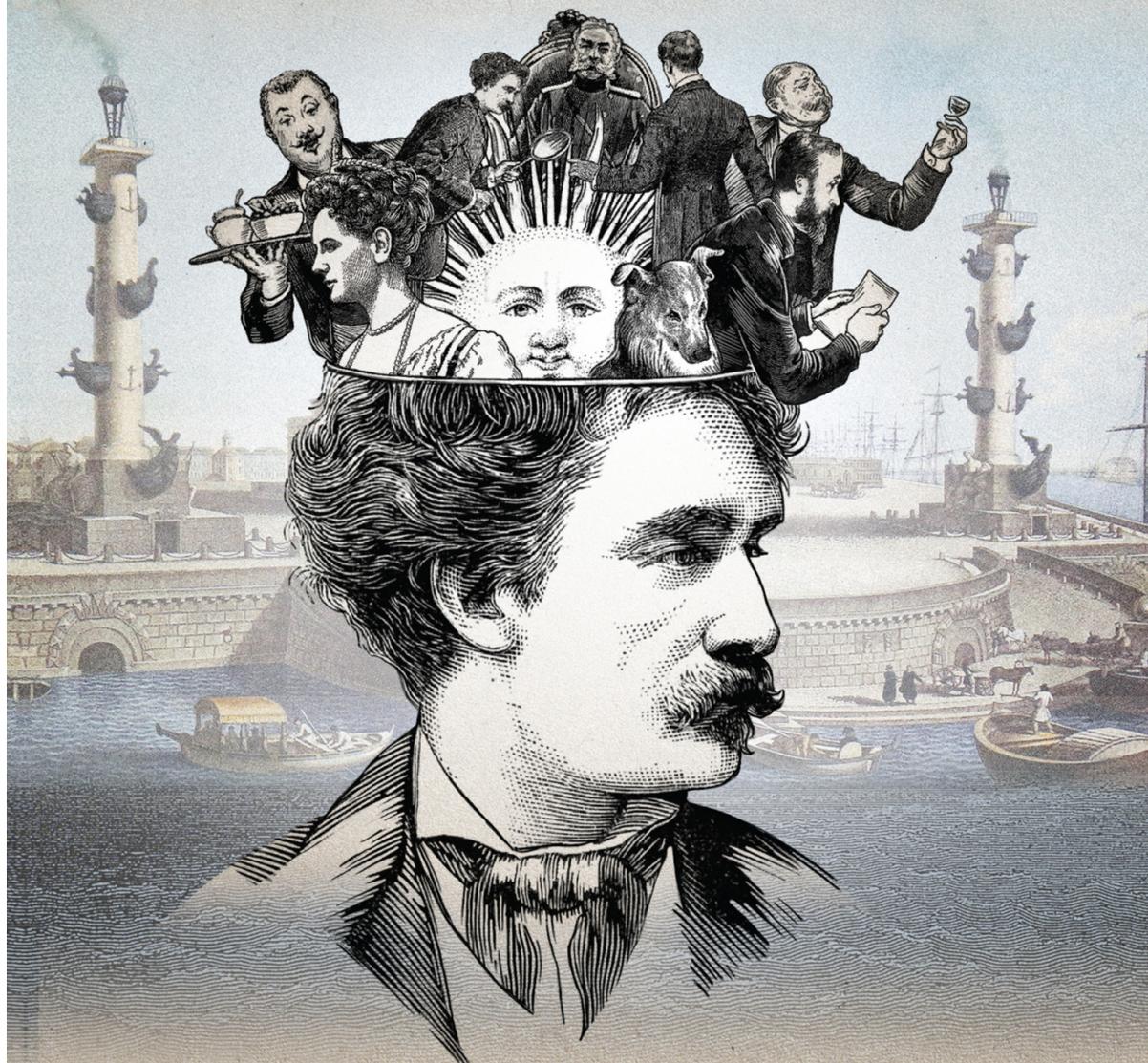
Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ДЕЛА МИНУВШИЕ

1

Впоследствии Борщих Ханбулов получил за это от правительства большую пожизненную пенсию. *(Здесь и далее – примеч. автора.)*

[Вернуться](#)

2

Уцмий – правитель.

[Вернуться](#)

3

Знак отличия ордена Святой Анны – награда для нижних чинов за особые подвиги и заслуги, проявленные не на поле боя.

[Вернуться](#)

4

Передельная винтовка – винтовка, переделанная в казнозарядную из старой дульнозарядной винтовки.

[Вернуться](#)

5

Ссылным разрешили вернуться на родину только после воцарения Александра Третьего.

[Вернуться](#)

6

Марена – травянистое растение, которое выращивали для изготовления натуральных красителей.

[Вернуться](#)

7

Саква – седельная сума.

[Вернуться](#)

8

Улем – уважаемый человек.

[Вернуться](#)

9

Белое оружие – холодное.

[Вернуться](#)

10

Гурда – чеченская шашка.

[Вернуться](#)

11

Потяг – обратное движение, извлекающее клинок из тела противника.

[Вернуться](#)

12

См. книгу «Охота на царя».

[Вернуться](#)

13

Выставляла – вышибала.

[Вернуться](#)

14

Масалка – военный (угол. жарг.).

[Вернуться](#)

15

Согласно ст. 1477 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, самоубийство являлось преступлением.

[Вернуться](#)

16

Так до 1913 года официально назывался солдатский Георгиевский крест.

[Вернуться](#)

17

Алешка – лакей.

[Вернуться](#)

18

Мануйловка, протопоповка – марки дорогих водок.

[Вернуться](#)

19

Освед – осведомитель.

[Вернуться](#)

20

«*Мельница*» – тайный игорный дом, где правят шулера (*жарг.*).

[Вернуться](#)

21

Рештак – преступник, отбывший арестантские роты и лишенный прав состояния.

[Вернуться](#)

22

Алфенид – никелевый сплав, из которого изготавливали посуду «под серебро».

[Вернуться](#)

23

Экспресс – срочная телеграмма.

[Вернуться](#)

24

Караулка – хибара, приспособленная для неприхотливого жилья.

[Вернуться](#)

25

«*Дядя Сарай*» – прозвище случайных арестантов, не уголовных по характеру и являющихся объектом издевательств со стороны фартовых.

[Вернуться](#)

26

«*Красный*» – вор.

[Вернуться](#)

27

«*Блинодел*» – изготовитель фальшивых денег и ценных бумаг (жарг.).

[Вернуться](#)

28

Сложить – убить.

[Вернуться](#)

29

Капорник – осведомитель полиции.

[Вернуться](#)

30

Ротник – то же, что и рештак: преступник, отбывший исправительное арестантское отделение.

[Вернуться](#)

31

Является проституткой-одиночкой.

[Вернуться](#)

32

Брыкаловка – водка.

[Вернуться](#)

33

Грузовщик – грузчик.

[Вернуться](#)

34

Невообразимые – подштанники.

[Вернуться](#)

35

Читать книжку в тридцать два листа – играть в карты.

[Вернуться](#)

36

Улица так и называлась официально – За острожным огородом.

[Вернуться](#)

37

186,5 см.

[Вернуться](#)

38

Дипломат – разновидность женского жакета.

[Вернуться](#)